

В.М. ЧЕРНОВ: БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Виктор Михайлович Чернов родился, как удалось установить по архивным документам, 25 ноября (7 декабря) 1873 года в волжском городе Хвалынске, одном из уездных центров Саратовской губернии¹.

Его дед, Николай Чернов, в 1830-е годы служил, по всей видимости, в уездном городе Тамбовской губернии Елатоме в местном приказе удельного ведомства. В большой и дружной семье Черновых было четыре сына: Василий, Иван, Яков и Михаил. Стараниями отца все они получили начальное образование. Василий окончил Елатомское уездное училище и в 1842 году поступил на службу в Керенский уездный суд Пензенской губернии², а три других брата окончили уездное училище в Пензе³, куда переехали Черновы в 1840-е годы. К этому времени глава семейства имел чин губернского секретаря – это XII класс в Табели о рангах.

Младший из братьев, Михаил, после завершения обучения, был определен в 1856 году на службу в Тамбовскую казенную палату в число канцелярских служащих по отделению казначейств – так началась его служебная карьера и постепенное восхождение по служебной лестнице. Через 8 лет службы в финансовом ведомстве он в 1864 году получил должность уездного казначея в городе Новоузенске, входившим тогда в состав Самарской губернии⁴. Но еще до перевода в Новоузенск, будучи контролером Самарской казенной палаты, Михаил Николаевич в январе 1864 года женился на Анне Николаевне Булатовой, дочери новоузенского уездного казначея⁵.

Судя по архивным данным, Булатовы принадлежали к одному из старинных, хотя и мелкопоместных, дворянских родов Саратовской губернии. Прадед Виктора Михайловича по материнской линии, Булатов Иван Петрович, родился в Дмитриевске (Камышине) в середине XVIII века. В 1770 году он был зачислен на военную службу в Апшеронский пехотный полк, принимавший активное участие в военных действиях против польских конфедератов, а затем в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. За безупречную службу Иван Петрович в 1779

году получил чин прапорщика, а спустя 4 года – подпоручика. Однако в марте 1783 года ему пришлось оставить военную службу по причине «имеющихся болезней».

Выйдя в отставку, И. П. Булатов вернулся в родной Камышин и в течение трех лет занимался, по всей видимости, восстановлением подорванного здоровья. На гражданскую службу он поступил в 1786 году – в Саратовскую соляную контору надзирателем при камышинских запасных магазинах. В 1794 году Иван Петрович получил чин титулярного советника, а в декабре 1799 года уездное дворянство избрало его заседателем в Камышинский земский суд. Умер он в 1808 году, оставив на руках жены трех малолетних детей – Николая, Дмитрия и Александрю.

Жене его, Екатерине Давыдовне, в это время не было и тридцати – родилась она в 1781 году в камышинской дворянской семье. После смерти мужа Е. Д. Булатова до конца своих дней оставалась вдовой – вся ее жизнь была посвящена детям. Николай и Дмитрий успешно окончили Камышинское уездное училище, а Александра получила хорошее домашнее образование. Именно стараниями матери в 1824 году сыновья оказались включенными в родословную книгу дворян Саратовской губернии. Оба брата к этому времени состояли на службе в Камышинском уездном суде.

Николай Иванович Булатов, дед В. М. Чернова, поступил на службу в 1817 году шестнадцати лет от роду. В 1820 году он получил чин коллежского регистратора, а через три года стал губернским секретарем. В течение первых семи с половиной лет местом его службы были Камышинский уездный суд и Камышинская дворянская опека, где он исполнял соответственно должности канцеляриста и протоколиста. В последующие двадцать два года Н. И. Булатов занимал разные должности в Камышине, Петровске, Аткарске и Саратове. Столь разнообразная и активная деятельность Николая Ивановича не осталась незамеченной со стороны начальства – в 1832 году его удостоили чином коллежского секретаря, а в 1838 году – титулярного советника. В апреле 1847 года он был назначен уездным казначеем в город Новоузенск, в 1850 году получил

чин коллежского асессора, а когда в 1864 году вышел в отставку⁶, на его место был назначен его зять – Михаил Николаевич Чернов.

В Новоузенске семья Черновых жила восемь лет. В июле 1872 года М. Н. Чернов по семейным обстоятельствам вышел в отставку, однако, уже через месяц вновь поступил на службу, в этот раз – счетным чиновником в Саратовскую контрольную палату. В 1873 году его перевели уездным казначеем в город Хвалынский⁷. Именно здесь-то и родился их второй сын – Виктор, будущий теоретик и лидер партии эсеров⁸.

Частые роды подорвали и без того слабое здоровье Анны Николаевны. Летом 1875 года, когда у нее родился восьмой ребенок, она умерла⁹. Михаила Николаевича осенью того же года перевели уездным казначеем в волжский город Саратовской губернии Камышин, где проживали многочисленные родственники его покойной жены. Здесь он женился в третий раз и имел от этого брака пятерых дочерей.

На берегу могучей и величавой Волги прошло детство Виктора, его старшего брата Владимира и трех сестер – Ольги, Софьи и Надежды. Их детство трудно назвать радостным и счастливым – мачеха не смогла дать им ни женской ласки, ни материнского тепла, а отец большую часть времени был занят своими чиновничьими делами. Вспоминая о детских годах, Виктор Михайлович писал: «Я рос в значительной мере беспризорным, предприимчивым, своевольным бродягой... город был искони душно-тесен и неприятен, семейный дом – более чем наполовину чужой... Я был сознательным бегуном от них»¹⁰.

Сбегая из дома, Виктор все время проводил на Волге. Волга воспитывала Виктора: вырабатывала и закаляла его характер и волю, укрепляла физически, учила быть ловким, мужественным и бесстрашным.

Существенное влияние на формирование мировоззрение оказал отец. Правда, это воздействие было в значительной мере косвенным: через образ мыслей, поведение, суждения и высказывания, отличавшиеся умеренным либерализмом и явной безрелигиозностью. «Я никакого религиозного воспитания в церковно-православном духе не получил, – признавался Виктор Михайлович. –

Завалившийся от кого-то из старших детей учебник ветхозаветной истории я воспринял как сборник волшебных сказок»¹¹. Эти два чрезвычайно важных в процессе первичной социализации обстоятельства – безотрадное детство и весьма смутное представление о религиозно-нравственных ценностях и нормах – не могли не сказаться определенным образом на психологическом складе и душевном строе формировавшейся личности, на мотивах поведения как в юношеские, так и в более зрелые годы.

В 1882 году, когда сыну должно было исполниться девять лет, отец решил определить его в саратовскую гимназию. В августе месяце Виктор успешно выдержал вступительные испытания и был принят в подготовительный класс гимназии, а в следующем году его зачислили в первый гимназический класс¹².

В это время в саратовской гимназии учился старший брат Виктора – Владимир. Осенью 1884 года, будучи уже в выпускном классе, он, по всей видимости, примкнул к кружку народолюбцев. В декабре 1884 года у него на квартире была обнаружена запрещенная литература, что привело к исключению из гимназии и аресту. В ходе дознания, длившегося три с половиной месяца, полиции не удалось установить ни его принадлежности к «преступному сообществу», ни его причастности к распространению «антиправительственных изданий». Ему вменили в вину лишь «хранение запрещенной литературы» и лишили права обучения в каком-либо учебном заведении города Саратова¹³.

Исключение из гимназии, арест и заключение в тюрьму старшего брата сильно подействовали на Виктора. Гимназическое начальство отняло у него любимого человека, постоянного советчика и наставника. Начиная с третьего класса, учеба в столь же холодной, как и камышинский дом, гимназии уже не представляла для него какой-либо ценности. Каждую свободную минуту он стремился провести на Волге. Силу ее притяжения не могли одолеть ни запреты, ни наказания гимназического начальства. Вот лишь две выписки из официальных документов гимназии. «Довожу до сведения г. исполняющего обязанности инспектора гимназии, – писал в 1886 году классный наставник, – что

ученик третьего класса В. Чернов, несмотря на мое трехкратное запрещение ехать на лодке (4 мая), все-таки ослушался моего приказанья»¹⁴. «Посетив квартиру Чернова Виктора в 11 часов дня по случаю неявки его, – отмечалось в протоколе заседания Педагогического совета за 1890 год, – классный наставник нашел ученика на вид здоровым, почему и предложил ему тотчас же отправиться в класс. Ученик Чернов накануне того дня катался на лодке»¹⁵.

Волга заменяла Виктору и отчий дом, и опостылевшую гимназию, и так неожиданно прервавшееся общение с братом. Он любил бродить по ее высокому берегу, внимательно наблюдая за колоритными персонажами той своеобразной жизни, что с раннего утра и до позднего вечера бурлила здесь. Особое любопытство возбуждали у него люди, принадлежавшие к маргинальным слоям общества: разного рода нищие, бродяги, обитатели саратовских ночлежек, многочисленные странники и представители всевозможных религиозных сект и течений. Виктор был как бы связан с ними невидимыми духовно-психологическими нитями, всем строем своей души. «Я рос постоянно «униженным и оскорбляемым», – вспоминал он, – и меня так естественно тянуло ко всем «униженным и оскорбляемым». Это был мой мир, и я вместе с ним противопоставлял себя «царящей неправде»¹⁶.

Одно время Виктор оказался очарован и полностью захвачен этим миром, который представлялся ему столь романтичным и загадочным и в котором он чувствовал себя вполне уютно и комфортно. Собственные впечатления, почерпнутые из реальной жизни, а также некрасовская лирика, проникнутая гражданским пафосом, рождали в нем до тех пор неведомые, хотя и весьма туманные, мистико-религиозные увлечения и тайные, одинокие молитвенные восторги. «Но с православной церковностью все это совсем не связывалось, – уточнял Виктор Михайлович спустя много десятилетий, – и, скорее, имело точки соприкосновения с интеллигентским толстовством и народным сектантством»¹⁷.

Чувства и мысли, переполнявшие его в этот период, он фиксировал в гимназическом рукописном журнале под названием «Искорка»¹⁸, который систематически вел с четвертого по седьмой класс и где помещал стихи собствен

ного сочинения и различные заметки «по всем вопросам человеческого ведения и неведения»¹⁹. В этих детских и юношеских литературных опытах зарождались навыки того блестящего публицистического стиля, которым отличались труды теоретика и лидера эсеровской партии.

И хотя по мере взросления прежние религиозно-мистические увлечения и искания у Виктора прошли, но неизгладимый след в его душе они все же оставили – заложили основы того специфического культа, которому он оставался верен всю свою жизнь. Это был культ всего народного, мужицкого и трудового мира России.

«Сознательной жизнью я начал жить в конце 80-х годов»²⁰, – так считал сам Виктор Михайлович. В этот период он близко познакомился со старым народником В.А. Балмашевым, который после возвращения из сибирской ссылки поселился в Саратове и заведовал библиотекой Коммерческого собрания, привлекавшей к себе всю местную читающую молодежь. Под влиянием и с помощью Балмашева Виктор впервые познакомился с произведениями Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, Н.К. Михайловского и некоторыми работами западноевропейских авторов.

Под воздействием прочитанного, увиденного и услышанного гимназист Чернов открывал для себя совершенно новый мир и целиком отдавался его идеалам, оказавшимися так созвучными с его собственным душевным складом. Он активно участвовал в гимназических сходках, посещал разные кружки, бывал на частных квартирах, где собиралась оппозиционно настроенная интеллигенция. В 1890 году состоялось знакомство со старым народником М.А. Натансоном и народовольцем А.В. Сазоновым, поселившимися в Саратове после сибирской ссылки.

Увлеченный новыми идеями и новыми людьми, Виктор совершенно забросил учебу. В конце октября 1889 года, подводя итоги первой учебной четверти, Педагогический совет гимназии решил аттестовать его поведение оценкой в 4 балла за «неаккуратное посещение церковных служб, за неряшливость и небрежное отношение к исполнению ученических обязанностей»²¹, а также по

становил усилить за ним контроль, переведя на другую квартиру, более удобную для постоянного надзора. Однако предпринятые меры не дали должного результата. И хотя в протоколах Педагогического совета отмечалось, что «более способный ученик класса... – Виктор Чернов»²², его «неточность» и «неряшливость» в соблюдении правил гимназии и квартирной жизни продолжали регулярно иметь место. Каплей, переполнившей чашу терпения гимназического начальства, стало пришедшее из саратовского жандармского управления извещение о том, что во время ареста В.А. Сазонова у него на квартире находился ученик 7 класса Виктор Чернов. В связи с этим Виктора хотели было сразу исключить из гимназии, но спасло отсутствие каких-либо серьезных улик. Но это событие не прошло бесследно. Сославшись на очередные пропуски занятий по неуважительной причине, Педагогический совет своим решением от 18 мая 1890 года вывел гимназисту Чернову годовую оценку по поведению в 4 балла и оставил его в 7 классе на повторное обучение из-за слабой успеваемости по ряду предметов²³.

В течение 1890-1891 учебного года за поведением и учебной работой Виктора был установлен тщательный надзор, по существу он оказался на особом положении: его отсадили за отдельную парту, ввели частые и внезапные посещения квартиры, запретили бывать в общественных местах, пытались отлучить от Волги. Это был, пожалуй, самый тяжкий гимназический год. Трудно представить, как у Виктора хватило сил пережить его. В конце мая 1891 года по результатам экзаменов он был переведен в восьмой класс. Но ситуация для Виктора складывалась таким образом, что окончить саратовскую гимназию было весьма проблематично. «... Я совершенно превратился для гимназического начальства в пугало, – вспоминал В.М. Чернов, – и на Педагогическом совете инспектор Двигунов торжественно грозил, что ни в одном выпуске саратовской гимназии Чернова не будет»²⁴. Не считаться с этим было невозможно, и 16 августа 1891 года, по прошению отца, Виктора отчислили из саратовской гимназии.

Заканчивая гимназический курс отец отправил его в Дерпт (Юрьев, Тарту), где у него были хорошие знакомые и где в это время на юридическом фа

культете Дерптского университета учился его старший брат Владимир. Осенью 1891 года Виктор отправился в Дерпт. «В моем багаже, – отмечал он, – я вез свое духовное имущество: ряд толстых тетрадей с конспектами и выписками из Добролюбова, Чернышевского, Михайловского, В.В., Лассаля, Конта, Милля, Спенсера, Льюиса, Лаврова, Лесевича, Риля и т.п.»²⁵.

В дерптской гимназии, как и в саратовской, Виктор не проявлял особого рвения в постижении гимназического курса наук, ибо вся система тогдашнего среднего образования казалась ему устарелой и неинтересной. Исключение составляли, пожалуй, уроки немецкого языка, где, по словам В.М. Чернова, еще веяло духом старой, большой европейской культуры.

Пытливый и цепкий ум юноши практически целиком был обращен к поиску ответов на те вопросы, которые волновали не одно поколение русской интеллигенции, – о необходимости и возможности переустройства всего общественного механизма на принципах правды и справедливости. Еще в Саратове они заставили его серьезно заняться самообразованием, которое было продолжено и в Дерпте. Здесь В. Чернов впервые знакомится с первым томом «Капитала» К. Маркса, при чем изучает его, как и другую западноевропейскую литературу, глубоко и основательно. Здесь же он принимает деятельное участие в неофициальной, общественной жизни учащейся молодежи, приобретает много новых знакомых и первых верных друзей. При этом специфика национального состава дерптской учащейся молодежи отложила свой неповторимый отпечаток на тот круг знакомых, с которыми Виктору довелось либо близко общаться, либо сдружиться. Круг этот оказался на редкость многонациональным: немцы, эстонцы, латыши, поляки, русские, евреи.

Тесное общение с представителями разных этнических групп заставило юношу, пожалуй, впервые серьезно задуматься над вопросами о национальных особенностях, национальном менталитете и формах его проявления, а позже пробудило в нем живой интерес к национальной политике и национальной проблеме, «еврейскому вопросу» в частности. Именно в дерптский период были заложены первоосновы мировоззренческого и политического интернациона

лизма Виктора Михайловича, его имманентное, органическое неприятие расовой и национальной дискриминации, любых форм антисемитизма. Особую роль в этом сыграл Яков Виленский. «Это был худощавый, высокий и нервно напряженный брюнет, с такой странной проседью в волосах, как будто он перешагнул не за двадцатилетний, а далеко за тридцатилетний возраст, – вспоминал В.М. Чернов. – Точно налитый ртутью, он был яростным спорщиком. Мы провели с ним вместе всего лишь год... И все же я должен сказать, что он был первым моим серьезным и глубоко близким жизненным другом... Яков Виленский впервые развернул передо мною неведомую мне до тех пор кошмарную картину безвыходной еврейской обездоленности... Я чувствовал себя перед ним «без вины виноватым» – на мне тяготел какой-то наследственный, исторический грех отцов и дедов, моих отцов и дедов перед его отцами и дедами»²⁶, «меня точил червяк «без вины виноватости» перед лицом представителя этого единственного в своем роде народа – народа-скитальца, народа-странника, сироты, лишенного родины, бездомного, бесприютного, всюду третируемого как отверженный парий»²⁷.

Среди близких товарищей Виктора было и несколько эстонцев. В частности, Каарель Партс и Яан Тыниссон, позже ставшие видными эстонскими политическими деятелями, а в гимназические годы входившие в кружок, организованный В. Черновым. Характерно, что в этом кружке обсуждались как раз национальные проблемы: самобытное развитие эстонской национальности и политика российского правительства в Прибалтике.

Благодаря старшему брату Виктор регулярно посещает нелегальные студенческие кружки, бывает на собраниях Общества русских студентов – наиболее влиятельной студенческой организации тех лет, объединявшей демократическую часть дерптского студенчества вне зависимости от национальности. Он становится очевидцем и участником страстных споров и горячих дискуссий между сторонниками народничества и только зарождавшегося на российской почве марксизма. В своих воспоминаниях В.М. Чернов подробно воссоздал эпизоды этих баталий и дал яркие характеристики наиболее активных их участ

ников: Николая Омирова, Степана Крашенинникова, Николая Водовозова, Богдана Кистяковского, Бронислава Кулаковского. «Состав студенчества был вообще довольно красочный, – писал он. – Выделялись недавно вернувшиеся из ссылки народовольцы: угрюмый, молчаливый Эрнст, присяжный шутник и остроумец Шарый... был и кружок украинофилов, в центре которого стояли братья Френкели. Словом, разнообразие было большое. После узкого круга саратовских знакомцев, каким контрастом была эта богатая галерея типов!»²⁸. Горячие споры и острые дискуссии настолько захватили семнадцатилетнего Виктора, что он решился выступить на одном из студенческих собраний. Примечательно, что подготовленный им реферат был направлен против марксистов и посвящен философским основам субъективной социологии. Много позже В.М. Чернов иронически напишет: «Члены Общества, среди которых были солидные бородачи, по два и по три раза вылетавшие из разных университетов, понюхавшие и тюрьмы, и каторги, очень терпеливо и снисходительно выслушали мои выкладки о свободе и необходимости, роли личности в истории и субъективизме»²⁹.

Незабываемым и крупным событием для В. Чернова стало посещение во время рождественских каникул Петербурга, где ему удалось побывать на собрании нелегального кружка столичных гимназистов и студентов. Это было одно из собраний только что образовавшейся петербургской «Группы народовольцев», куда входили М. Келлер, А. Федулов, братья Никитинские и другие, с которыми В.М. Чернов будет поддерживать тесные связи до своего первого ареста в 1894 году и которые во многом повлияли на его мировоззренческие ориентиры. Здесь же он впервые встретился с П.Б. Струве и Ю.О. Цедербаумом (Мартовым), выступавшими на том собрании оппонентами народовольцев. Но самым захватывающим впечатлением стало обсуждение двух свежееотпечатанных в нелегальной типографии листовок – «Свободного слова» Н.К. Михайловского и «От группы народовольцев» А. Федулова. В них прежде всего искали ответа на вопросы «что делать?» и «с чего начать?»

«Не нужно, однако, думать, – замечал В.М. Чернов, – что эти вопросы революционной тактики до такой степени завладели в этот момент всеми нашими думами. Нет, они только определеннее, чем до тех пор, втеснились в наше сознание. Оно было захвачено и заполнено пестрою грудой более общих вопросов и захвачено до такой степени, что, казалось, нет более места ни для каких других... Словом, мы впитывали все, как губки; но основным мотивом умонастроения было все же «возведение к общим началам», и в этом смысле закругление мировоззрения, сведение в нем концов с концами»³⁰. Этот же процесс выработки четких, последовательных мировоззренческих позиций и политических ориентаций будет продолжен и получит определенное упорядочение и определенную завершенность в годы обучения в Московском университете.

После окончания в 1892 году дерптской гимназии Виктор Чернов поступил на юридический факультет Московского университета, а его брат Владимир в этом же году перевелся из Дерптского на медицинский факультет Московского же университета.

После казенных гимназических порядков университетская жизнь предстала совершенно иной – наполненной ежедневными событиями, новыми встречами, массой впечатлений. Виктор с головой окунулся в это бурлящее, клокочущее море студенческой жизни.

С первого же курса он принял активное участие в деятельности Союза московских объединенных землячеств – неофициального и нелегального студенческого объединения, которое существовало в стенах Московского университета с середины 1880-х годов и которое играло, главным образом, роль «общества взаимного кредита», то есть своей основной задачей считало материальную поддержку своих членов.

С начала 1890-х деятельность Союза начинает принимать вполне выраженное «противоправительственное направление». Главными его целями, согласно новому уставу, провозглашались «объединение студенчества путем поднятия его умственного и нравственного уровня», «подготовка будущих общественных деятелей в желательном направлении» и «оказание помощи лицам, по

страдавшим за стремление к достижению этих целей»³¹. От саратовского землячества В.Чернов вошел в Союзный совет, исполнительный орган студенческой организации, большая часть которого придерживалась неонароднических взглядов. «Копить силы, поддерживать в студенчестве дух общего протеста; постоянно связывать положение дел в университете с общим положением России, твердить и твердить студенческой массе, что без общеполитического кризиса в России немыслимо изменение к лучшему академических порядков, выждать благоприятного момента, когда можно будет выступить разом всем университетом, с шансами превратить это общеуниверситетское движение в общегражданское и даже народное – таков был наш лозунг»³², – писал В.М. Чернов. С этой целью Союзный совет постоянно обращался к студентам с воззваниями и прокламациями, координировал работу многочисленных нелегальных кружков, устраивал собрания и диспуты, организовывал студенческие съезды, боролся с различными «уклонами» в студенческой среде: радикалами-академистами, «легализаторами» во главе со студентом В.А. Маклаковым и теми, кто считал себя марксистами. «Беседы, обсуждения, споры, шумные полупубличные дебаты – ими была насыщена вся атмосфера»³³, – замечал В.М. Чернов. В его воспоминаниях эта атмосфера воссоздана подробно, образно, колоритно.

Отметим, что студент Чернов был одним из тех, кто находился в эпицентре нелегальной студенческой жизни. Он продолжал штудировать марксистские работы, считая «вопросом чести» знать Маркса лучше, чем его сторонники, занимался кружковой деятельностью, устройством межземляческих собраний и организацией областных землячеств, участвовал в подготовке и работе студенческих съездов, выступал на бесчисленных студенческих диспутах.

В стенах Московского университета Виктор познакомился с П.Н. Милюковым, тогда молодым приват-доцентом, чьи лекции по русской истории пользовались неизменным успехом у студентов. П.Н. Милюков, который, по словам В. Чернова, «в те времена еще не успел окончательно «познать себя», охотно шел на контакт с оппозиционной молодежью и нередко присутствовал на ее со

браниях, выражая благосклонно сочувственное отношение к некоторым положениям народнической доктрины. Молодые народovolьцы, посчитав его «своим», попробовали привлечь П.Н. Милюкова в свои ряды, для чего и отправили к нему В.Чернова.

В 1894 году В. Чернов по поручению Союзного совета побывал в Петербурге, где от имени московского студенчества вручил Н.К. Михайловскому в связи с его юбилеем «адрес резко революционного содержания» и имел с ним продолжительную беседу. Как руководитель студенческого кружка народovolьческой молодежи он имел также встречу с членами петербургской «Группы народovolьцев», чтобы установить с ними более тесные отношения и наладить регулярную поставку в Москву революционной литературы, издававшейся в народovolьческой типографии.

Однако деятельность В. Чернова не ограничивалась рамками студенческой жизни, какой бы насыщенной она ни была. Он был вхож в московские «радикальные» кружки, где познакомился с Е.И. Куприяновым, Е.Д. и П.И. Кусковыми, С.Н. Прокоповичем, А.Н. Максимовым, П.Ф. Николаевым; бывал на журфиксах, устраиваемых московскими либералами, и даже на заседаниях кружка студентов-либералов, состоявшим под патронатом редактора «Русской мысли» В. Гольцева; слушал выступления российских марксистов Рязанова, Винокурова, Финн-Енотаевского, П.П. Румянцева и других.

На одном из таких «разговорных собраний», состоявшимся в начале января 1894 года, Виктор Чернов впервые встретился с Владимиром Ульяновым (Лениным), который вел острую полемику с народником В.П. Воронцовым. «Он тогда еще не злоупотреблял «ругательностью», – отмечал В.М. Чернов, – и производил приемами спора, в общем, весьма благоприятное впечатление»³⁴. В развернувшейся дискуссии принял участие и В.Чернов. Он обрушался с резкой критикой на идею заговора как главное средство захвата власти и подробно изложил позицию молодых народovolьцев в вопросе о средствах и формах политической борьбы.

Для Виктора Чернова это собрание было примечательно еще в одном отношении – состоялось его знакомство с одним из организаторов только что образовавшейся партии «Народного права» Н.С. Тютчевым, который доверительно сообщил ему эту новость, попросил содействия в перевозке тайной типографии и рекомендовал встретиться с М.А. Натансоном.

В назначенный день Виктор встретился с Натансоном. Их свидание было кратким. Охарактеризовав программу партии, в основе которой лежала идея единства народнического, либерального и социал-демократического движений в борьбе против самодержавия для завоевания общедемократических свобод, Натансон посоветовал хорошенько подумать о том, что он поведал, и обещал еще раз вернуться к этой теме, когда возвратится из Петербурга, куда ему срочно следовало выехать. Но приехать в Москву Натансону не удалось, а поэтому он вызвал В. Чернова в Орел, где находилась штаб-квартира народоуправцев.

В Орле Натансон вновь пытался убедить В. Чернова присоединиться к партии «Народного права»³⁵, но из этого ничего не вышло: «элементы революционного будущего, «молодые поросли» не испытывали вейния новых идей, излученных новой организацией»³⁶. Для молодых народоуправцев был неприемлем союз с либералами, да и сотрудничество с марксистами не казалось перспективным. Но главное, что их настораживало – это игнорирование в программных положениях новой партии вопроса о терроре как одном из возможных и эффективных, с их точки зрения, средств борьбы, а также отсутствие социалистического идеала, социалистической перспективы. А поэтому и петербургские, и московские народоуправцы сошлись на том, что необходимо оказывать всяческое содействие новой партии, но непосредственно входить в ее состав следует повременить. В.М. Чернов писал: «В таком положении наш кружок просуществовал до весны 1894 года. Мы продолжали считать себя «народоуправцами», за отсутствием другого, более соответствующего наименования. Мы чувствовали потребность окончательно разобраться в идейном наследии народоуправчества и предшествовавшего ему народничества»³⁷.

Тем временем активная нелегальная деятельность В. Чернова, «бойкого и речистого оратора», попала в сферу внимания охранного отделения. С начала апреля 1893 года за ним и его братом Владимиром было установлено регулярное наблюдение³⁸. Через своего агента, студента Московского университета Ф. Невского, входившего в состав Союзного совета и сумевшего заручиться доверием со стороны братьев Черновых, охранке стало известно многое. Особенно ее интересовали связи Владимира и Виктора с петербургской «Группой народолюбцев» и зарождавшейся партией «Народного права». И когда в апреле 1894 года в ряде городов были произведены аресты народолюбцев, в Москве жандармы взяли и Виктора Чернова.

Вскоре его, как и всех арестованных, свезли в Петербург и заключили в Петропавловскую крепость. Через полгода по ходатайству отца и дальнего родственника, известного писателя Д.Л. Мордовцева, Виктора перевели в Дом предварительного заключения. Это означало больше «свободы» в условиях не-свободы: представилась возможность проштудировать кантовскую «Критику чистого разума», из «Истории материализма» Ф.Л. Ланге, второй том «Капитала» К. Маркса, «К вопросу о монистическом понимании истории» Г.В. Плеханова, работы А. Эспинаса, Э. Геккеля, Г. Спенсера, Ч. Дарвина и других. Однако самое сильное впечатление произвела книга П. Струве «Критические заметки к вопросу о развитии капитализма в России», которая, по собственному признанию В.М. Чернова, «сослужила роль искры, брошенной в порох», заставив его «путем толчка от «обратного» самоопределиваться... по всей линии фронта»³⁹. Она побудила его к написанию первой большой научной статьи под названием «Философские изъяны доктрины «экономического материализма», где В. Чернов попытался разом охватить и высказать все стороны и аспекты своего мирозерцания, что было обычной слабостью начинающего автора. Много позже В.М. Чернов, весьма критически оценивая свой «первотруд», тем не менее заключал: «Все без исключения основные идеи, которые мне пришлось защищать в литературе, содержатся в зародышевом виде в этой литературной

пробе своих сил, которая была подготовлена напряженной умственной работой самоуглубления, в тиши тюремного одиночества»⁴⁰.

Минуло три месяца пребывания в Доме предварительного заключения, и вот 23 января 1895 года Виктора до окончательного разрешения его дела отдали под залог в 1000 рублей на поруки отца. «Покончив теоретические счета с индивидуализмом и анархизмом, с материализмом и идеализмом», он вышел из тюрьмы сложившимся социалистом и революционером.

В начале февраля 1895 года Виктор Чернов прибыл в родной Камышин, где за ним был установлен особый надзор. Вскоре пришло сообщение из департамента полиции, что ему дозволено проживать также в Царицыне или Тамбове. Однако ни один из этих городов не привлекал его, и он под предлогом лечения зрения подал прошение в саратовское губернское жандармское управление о разрешении временно перебраться в Саратов. Такое разрешение было получено, и в начале июня он прибыл в Саратов, где сразу же окунулся в знакомую радикальную среду, связавшись с действовавшим в это время кружком А.А. Аргунова. Но не прошло и полторы недели, как В. Чернова вызвали к начальнику жандармского управления, который сообщил, что из департамента полиции получено предписание о невозможности его проживания в Саратове. Виктору не оставалось ничего другого, как отправиться в Тамбов, куда он прибыл 23 июня 1895 года⁴¹.

В Тамбове Виктору Михайловичу доведется провести почти 4 года, которые станут важнейшим этапом в его окончательном становлении как социалиста-революционера. Здесь же он обретет и свою первую семью: 25 января 1899 года будет заключен брак с директрисой воскресной школы Анастасией Николаевной Слетовой⁴², которая станет его верной соратницей в революционной борьбе.

В конце ноября 1895 года дело о лицах, привлеченных к дознанию в связи с деятельностью партии «Народного права», было окончено административным порядком. Виктор Чернов подлежал ссылке на 3 года и гласному надзору полиции, ему запрещалось проживать в столицах, столичных губерниях, универси

тетских и некоторых других городах, в том числе и в Саратове. Так что пришлось оставаться в Тамбове. С конца декабря за ним официально был установлен гласный надзор полиции и определенно казенное содержание: 15 копеек в сутки на продовольствие и ежемесячно 1 рубль 50 копеек квартирных, итого – 6 рублей в месяц⁴³. Это было ничтожно мало, и первое время Виктор подрабатывал, давая частные уроки, а затем стал сотрудничать в неофициальном отделе «Тамбовских губернских ведомостей».

В сентябре следующего года он подал прошение в департамент полиции с просьбой поступить на службу в какое-либо учреждение губернского земства. Местная власть не стала чинить особых препятствий к такому роду занятий для политического ссыльного, указав лишь на то, что «допущение состоящего под гласным надзором полиции... бывшего студента Московского университета Виктора Чернова на такого рода службу, где он, благодаря своей начитанности и развитию, может иметь влияние на своих сослуживцев... возможно лишь при условии самого тщательного секретного наблюдения за его деятельностью и сношениями»⁴⁴. В конце октября того же года департамент полиции вынес окончательный вердикт: «Признано возможным разрешить состоящему под гласным надзором полиции в г. Тамбове бывшему студенту Московского университета В.М. Чернову, согласно его ходатайству, канцелярские занятия по вольному найму, без разъездов, в учреждении местного самоуправления за исключением занятий по статистике и оценочному делу»⁴⁵. И когда Виктор Михайлович в 1897 году пытался занять вакантную должность писца в оценочном отделе Тамбовской уездной земской управе, то вице-губернатор, руководствуясь определением департамента полиции, отклонил его просьбу. Вплоть до своего отъезда из Тамбова В. Чернов так и оставался земским канцелярским служащим «по вольному найму».

Следует отметить, что во второй половине 1890-х годов служащие тамбовского губернского земства более чем на 60 процентов состояли из лиц поднадзорных⁴⁶, так что Виктору не составляло особого труда обрести в Тамбове новых друзей и единомышленников, а через некоторое время он становится

признанным лидером формировавшегося неонароднического течения, представленного целой сетью кружков.

Была развернута большая легальная работа, прежде всего в области образования и культурно-просветительной сфере. Устанавливались связи с гимназистами, семинаристами, ремесленниками и рабочими, организовывались библиотеки и литературные вечера, проводились лекции и беседы, устраивались даже курсы для учителей. Насколько все это было необычным, интересным и увлекательным для молодежи свидетельствует одно из перлюстрированных полицией писем. «Очень интересно начинает житься в нашем богоспасаемом городке, – писал адресат. – Дело в том, что там поселилась одна парочка – некая Слетова со своим мужем Черновым и взбаламутила эта парочка тамбовское стоячее болото и пошла круги в семинарию, в гимназию, в рабочий люд и т.д. Какие там теперь завелись хорошие библиотеки, как много славных людей объявилось»⁴⁷.

Одним из приоритетных направлений деятельности считалась работа среди молодежи. Ставилась задача удержать ее от эволюции в сторону того марксизма, как его понимали и пропагандировали отечественные марксисты. «Я все время сводил счеты с марксизмом; и, как и прежде, я с особенной охотой против русского марксизма апеллировал к самому Марксу»⁴⁸, – вспоминал В.М. Чернов. С этой целью Виктор Михайлович составил даже «Программу социалистической народной партии», где почти вся теоретическая часть излагалась прямыми словами Маркса, Энгельса и других теоретиков западноевропейского марксизма. Причем эти цитаты были подобраны и выстроены в единое целое таким образом, что программа имела «резкий «народнический» вкус и запах», не в бровь, а в глаз била русских марксистов, прежде всего в аграрном вопросе. Но еще более важным для прививки «антимарксистского ферума» считалось вовлечение мятущейся молодежи в реальное дело – установление живой связи с просыпающимся для грядущей революции крестьянством. Отмечая исключительное значение революционной работы среди крестьянства для формирования миросозерцания ищущей молодежи, В.М. Чернов подчеркивал: «Эта работа

давала их молодому революционному пафосу такое конкретное содержание, которое не мирилось с тогдашней утрированной крестьянофобией русского марксизма, знавшего одного идола – пролетариата современной капиталистической индустрии. У них твердо, неизгладимыми чертами врезывалась в душу другая идея: неразрывного союза, при посредстве революционно-социалистической интеллигенции, пролетариата с трудовым крестьянством»⁴⁹.

Виктор Михайлович имел все основания для такого утверждения, ибо он сам и его тамбовские соратники одними из первых в 1890-е годы приступили к систематической работе среди крестьян. Познакомившись с молоканами и баптистами Тамбовской губернии, В.М. Чернов постепенно, последовательно и весьма умело начал вести среди них пропаганду социалистических идей и к своему немалому удивлению обнаружил, какой живой отклик они находят в крестьянском мире, с каким огромным интересом внимают его слову и как смело, страстно и самоотверженно готовы постоять за общее дело. Немедленно были подключены ученики воскресной школы, чтобы создать подходящий для крестьян книжный фонд – так появились «летучие библиотеки», имевшие огромный успех у крестьян.

С агитационной работой группы В. Чернова связано оформление первой в России тайной революционной крестьянской организации, сложившейся в селе Павлодар. Виктор Михайлович, посетив это село и встретившись с членами организации, предложил им сменить название «Общество братолюбия» на более боевое – «Братство для защиты народных прав», помог уточнить цели и задачи организации, наметить ближайшие действия и средства борьбы. По существу устав, принятый павлодарским братством, содержал основные идеи и положения, которые через несколько лет получают развитие и обоснование в программе партии социалистов-революционеров. Вскоре в Павлодаре возникло второе братство, целиком состоявшее из крестьянской молодежи.

Воодушевленный примером павлодарцев, В.М. Чернов в конце того же, 1898 года, организовал съезд крестьянских представителей от пяти уездов Тамбовской губернии, где позиции его группы среди крестьян были уже весьма ос

новательны. Крестьян съехалось не много, человек восемь, но это были избранные из избранных. Примечательно, что на съезд В. Чернов пригласил по одному представителю от рабочих и революционной интеллигенции, тем самым на деле подкрепляя свою идею о необходимости тесного союза между всеми трудовыми слоями общества. Главный вопрос, обсуждавшийся на съезде, был посвящен расширению пропаганды и организации новых крестьянских братств, причем не только в пределах Тамбовской губернии, но и в других местах. В этой связи был обсужден и принят специальный документ – «Письмо ко всему русскому крестьянству».

Первый весьма удачный опыт работы среди крестьянства со всей очевидностью свидетельствовал, что в российской деревне накопился большой горячий материал, что деревня претерпела серьезные изменения со времен «хождения в народ» и что там имеется солидная социальная база, на которую революционеры могут надежно опереться. Принимая во внимание эти обстоятельства, учитывая непосредственные условия жизни трудящихся, группа В. Чернова приходит к выводам о необходимости опираться в своей деятельности на массовое народное движение, основанное на тесном органическом союзе промышленного пролетариата с трудовым крестьянством, которое во взаимодействии с террором, играющим роль «революционной «запевки» солистов», перерастает в вооруженное восстание. Готовят восстание круги революционной интеллигенции, авангардная роль отводится пролетариату, а крестьянство составляет главную армию революции. Не исключалось соглашение с либералами, но только на этапе борьбы с самодержавием, допускалось даже их временное торжество вначале, после чего должен был наступить период борьбы против либералов⁵⁰. По сути, это были первые наброски будущей программы партии эсеров.

В Тамбове началась научно-теоретическая и литературно-публицистическая деятельность В.М. Чернова. С 1895 года он публикует в газетах и журналах целый ряд статей о судьбах русского капитализма, будущем общины и земледельческих артелях, о проблемах образования и культурных начинаниях в провинции, о народной литературе и нравах провинциальной

жизни. В 1895 году в журнале «Вопросы философии и психологии» выходит его первая теоретическая статья «Экономический материализм и критическая философия», а в 1899 году в первом номере «Русского богатства» была опубликована большая статья «Типы психологического и социологического монизма». Уже по этим работам достаточно полно можно судить о философских и экономических воззрениях В.М. Чернова, по поводу которых он говорил: «Основною точкою зрения моею было революционно-политическое народничество, позитивизм в области философии, строгий марксизм в экономике»⁵¹.

Тем временем для В. Чернова заканчивался срок ссылки. В начале декабря 1898 года с него сняли гласный полицейский надзор, но тут же, по предписанию департамента полиции, установили негласное наблюдение. Считая эту меру вполне обоснованной, начальник тамбовского жандармского управления подтверждал, что В. Чернов, «как человек со средствами, видимо, пользуется большим весом среди поднадзорных, имеет с ними тесную связь и вообще человек, за которым следует зорко посматривать»⁵². Но Виктор Михайлович уже успел овладеть всеми тонкостями конспирации, и полиция всякий раз была вынуждена констатировать, что ничего предосудительного в его поведении не замечается.

В марте 1899 года В.М. Чернов обратился в городское полицейское управление с просьбой выдать ему и его жене удостоверения для выезда за пределы империи. Получив санкцию начальника губернского жандармского управления, тамбовский полицмейстер в начале апреля оформил Черновым заграничные паспорта, с которыми они 1 мая 1899 года благополучно покинули Тамбов⁵³.

Такой выбор объяснялся необходимостью завершить научно-философское и экономическое образование, потребностью переработать достижения мировой социалистической мысли. «Я предполагал, – отмечал В.М. Чернов, – что в два-три года мне удастся все это сделать и вернуться домой «во всеоружии» идей и фактов из сокровищницы мировой мысли. Кроме того, думалось мне, за границей я найду всех ветеранов революционного движения с

Петром Лавровичем Лавровым во главе. Не может быть, чтобы они не откликнулись на запросы жизни, властно вставшие перед нами в процессе работы»⁵⁴.

Перед тем, как покинуть страну, В.М. Чернов в Петербурге побывал в редакции журнала «Русское богатство» и во второй раз встретился с Н.К. Михайловским, с которым состоялся подробный разговор по всем волновавшим его вопросам. Михайловский, поддержав стремление Чернова глубже освоить достижения мировой социалистической мысли и подтвердив предложение сотрудничать с возглавляемым им журналом, высказал ему свои соображения и пожелания. Одно из них навсегда останется для В.М. Чернова великим заветом великого мыслителя: приобщение к родникам мировой социалистической мысли, связь с мировым социализмом не исключает глубокого, основательного познания и учета специфики российских условий жизни и развития, преемственной, творческой связи с основными идеями народничества и собственного теоретического вклада в концепцию социализма.

Шесть с половиной лет длилась первая эмиграция В.М. Чернова. Для него это были годы напряженной теоретической работы и острой идейной борьбы, сделавшие его признанным идеологом, теоретиком и одним из лидеров новой политической организации – партии социалистов-революционеров.

Первоначально Черновы остановились в Цюрихе, где в русской колонии эмигрантов преобладали социал-демократы. Встретившись с Аксельродом и Г.В. Плехановым, В.М. Чернов не нашел у них поддержки своему «видению аграрной революции», а больше поделиться своими взглядами и привезенными из России впечатлениями было практически не с кем. Настоящим подарком судьбы, как считал Чернов, был приезд в Цюрих одного из основателей Союза русских социалистов-революционеров Х.О. Житловского, который с сочувственным интересом отнесся к его проектам и настоял на переезде Черновых в Берн.

«Весь первый год, проведенный мною в Берне в ближайшем общении с Житловским (редкий день мы с ним не виделись), был, так сказать, медовым месяцев нашей дружбы, – вспоминал В.М. Чернов. – Не осталось, кажется, ни единого вопроса, о котором у нас не было бы на все лады говорено и перегово

рено»⁵⁵. Х.О. Житловский ввел Чернова в круг российских революционеров-эмигрантов, прежде всего состоялось знакомство с членами «Группы старых народовольцев» во главе с П.Л. Лавровым. В.М. Чернов провел в Париже, где обосновалась группа Лаврова, почти весь 1900 год и сумел убедить многих в необходимости возобновить широкую работу в крестьянстве, начав ее с издания агитационной литературы для деревни. Его идеи были поддержаны и лондонской группой народников из «Фонда вольной русской прессы». И когда по случаю похорон П.Л. Лаврова в феврале 1900 года в Париже собрались его соратники и идейные наследники, было решено образовать Аграрно-социалистическую лигу, руководящую роль в которой стал играть В.М. Чернов.

Первыми документами новой организации стали обращение «К товарищам по мысли и по делу» и программная брошюра «Очередной вопрос революционного дела». В качестве главной цели провозглашалось «содействие всем товарищам в России, работающим прямо или косвенно» над тем, чтобы «расширить русло общего революционного и, в частности, рабочего движения путем привлечения к нему трудовых масс деревни». В соответствии с этим определялись задачи: «издание и распространение народной революционной литературы, пригодной как для крестьянства, так и для городских фабричных и промысловых рабочих, в особенности имеющих связь с деревнею; ознакомление русских товарищей с постановкой на Западе социалистической пропаганды среди трудовой крестьянской массы и с формами ее организации для аграрной классовой борьбы; подведение итогов историческому опыту русского революционного «хождения в народ»; изучение всех проявлений социально-политического брожения в современном крестьянстве; теоретическую разработку общих вопросов аграрного социализма»⁵⁶. В программе Лиги, написанной В.М. Черновым, эти задачи получили обоснование и конкретизацию, здесь же излагались основные принципы новой организации. «Мы глубоко убеждены, – писал В.М. Чернов, – что будущее в России может принадлежать только такой партии, которая сумеет найти точку опоры для борьбы не только в горо

де, но и в деревне; которая сумеет в своей программе гармонически слить во-едино представительство и защиту интересов фабрично-заводского рабочего класса и массы трудового крестьянства. Без всякой опоры в крестьянстве, а тем более против его воли никакая революционная партия не сможет нанести в России серьезного, решительного удара буржуазно-капиталистическому режиму, который умеет у нас мирно уживаться вместе с обломками дворянско-крепостной эпохи под крылышком русского абсолютизма»⁵⁷. Таким образом, впервые в русском революционном движении была четко и однозначно сформулирована идея о союзе рабочих и крестьян как важнейшем условии победоносной революции.

Аграрно-социалистическая лига продолжала действовать до 1903 года, когда она органически влилась в партию социалистов-революционеров. К этому времени ею было издано 317 тысяч экземпляров брошюр общим объемом свыше миллиона печатных листов⁵⁸.

Тем временем в России шел процесс консолидации народнических групп и организаций, вылившийся в 1901 году в договоренность об их фактическом объединении. С этим известием за границу от «Южной партии социалистов-революционеров» прибыл Г.А. Гершуни и несколько позже Е.Ф. Азеф, представлявший «Северный союз социалистов-революционеров». В результате их переговоров между собой, а также с представителями народнических групп, действовавших за рубежом, в декабре 1901 года было заключено соглашение об образовании единой организации, получившей наименование «партия социалистов-революционеров», о чем газета «Революционная Россия» объявила в январе 1902 года. Непосредственное участие в переговорах принимал и В.М. Чернов, ставший таким образом одним из организаторов новой политической партии. Избранный в состав ЦК ПСР В.М. Чернов вместе с М.Р. Гоцем возглавил «Революционную Россию», превратившуюся с третьего номера в центральный орган партии, и вошел в редакцию «Вестника русской революции», который со второго номера был объявлен партийным идейно-теоретическим журналом.

К этому времени Виктор Михайлович уже зарекомендовал себя как один из теоретиков неонародничества. Будучи за границей, он в 1899-1901 годах сумел опубликовать в авторитетном российском журнале «Русское богатство» и сборнике, посвященном памяти Н.К. Михайловского семь статей, вызвавших большой интерес не только среди его сторонников, но и противников. В них была предпринята попытка философского обоснования неонародничества, проанализированы исторические и национальные особенности российского капитализма и дана резкая критика позиции российских марксистов в аграрном вопросе и их отношения к крестьянству. Теоретические положения, аргументы и выводы В.М. Чернова были столь весомыми, а поэтому, как считали российские социал-демократы, и весьма для них опасными, что В.И. Ленин а апреле 1901 года писал В.Г. Плеханову: «Получил сборник «На славном пути», посвященный Михайловскому. Необходимо во второй книжке «Зари» разнести: я берусь за Чернова...»⁵⁹. Ленинская статья под названием «Г.г «критики» в аграрном вопросе» была опубликована в № 2/3 «Зари», но до ее публикации В.Г. Плеханов трижды справлялся о ходе работы над статьей, побуждая Ленина ускорить ее написание⁶⁰. Беспокойство российских марксистов было обоснованным не только с теоретической, но с практической точки зрения. В 1902-1903 годах эсеры развили в заграничных русских колониях необычайную активность, привлекая к себе симпатии немалой части российской студенческой молодежи, находившейся за границей.

В.М. Чернов, представляя собой довольно крупную литературную силу, успешно вел пропаганду среди молодежи и пользовался большим успехом. В Берне им было организовано среди сочувствующей эсерам учащейся молодежи 6 кружков, которые нередко посещали и те, кто симпатизировал марксизму, а для желающих получить профессию наборщика удалось даже поставить типографию-школу⁶¹. В Русской школе общественных наук в Париже он прочел курс лекций по аграрному вопросу. Виктор Михайлович также объехал целый ряд европейских городов, где небезуспешно пропагандировал и защищал идеи партии в острых дискуссиях с В.И. Лениным, Ю.О. Мартовым, Г.В. Плехано

вым, Л.Д. Троцким. Об атмосфере переполоха в среде марксистов свидетельствуют многие письма того времени. Вот выдержка из одного такого письма, направленного В.Г. Плеханову в конце апреля 1903 года: «Цюрихская колония горячо просит Вас, узнав о Вашем предполагаемом посещении майского праздника в Берне, посетить и ее... В близком будущем предстоит реферат Чернова «Задачи с.-р. в современную минуту». Видимо, с.-ры серьезно задались целью завоевания колоний... Колония высказывает уверенность, что Ваше посещение могло бы окончательно закрепить симпатии здешней колонии за «Искрой»⁶². Безусловно, личная убежденность В.М. Чернова в правоте своих взглядов и позиций, его ораторские способности, глубокое знание крестьянской жизни, крестьянского менталитета, его эрудиция производили сильное впечатление на любую аудиторию, молодежную в особенности.

Деятельность в центральном органе партии «Революционная Россия» окончательно укрепила за ним роль теоретика и идеолога эсерства. «Революционная Россия» освещала широкий спектр вопросов: крестьянское и рабочее движение, отношение партии к либералам, национальный вопрос, террористическую деятельность, не оставались без внимания проблемы мирового социалистического движения, на ее страницах велась острая полемика с социал-демократами. Но, пожалуй, главным, стержневым вопросом была выработка основополагающих теоретических положений неонародничества и партии его представляющего. В этом вопросе В.М. Чернову не было равных – в вышедших 77 номерах газеты ему принадлежало большинство статей по вопросам программы и тактики партии, прежде всего разработка концепций «социализации земли», «переходного периода» и «трудового рабочего класса».

Фактом признания авторитета партии социалистов-революционеров в международном социалистическом движении стало принятие ее, несмотря на усиленное сопротивление российской социал-демократии, в ряды II Интернационала на Амстердамском конгрессе в августе 1904 года. Среди делегатов от эсеровской партии на конгрессе присутствовал и В.М. Чернов, а И.А. Рубано

вич вошел наряду с Г.В. Плехановым в Бюро Интернационала. Это был большой успех ПСР.

Накануне первой русской революции партия социалистов-революционеров быстро набирала силу, ее идеи становились притягательными для многих, росли и ее ряды. Не в последнюю очередь это было обусловлено размахом террористической деятельности Боевой организации ПСР. Особенно большую популярность партия получила после убийства министра внутренних дел В.К. Плеве в 1904 году.

В том же году в партии возникли определенные трения по некоторым тактическим вопросам. В Женеве вокруг Е. Брешко-Брешковской сгруппировалась приверженцы аграрного террора из наиболее радикально настроенной части молодежи. Их полностью захватила «максималистская» идея о необходимости аграрного и фабричного (экономического) террора с целью приближения революции. ЦК ПСР посчитал такие настроения вредными. В.М. Чернов написал «Резолюцию о работе в деревне и об аграрном терроре», в которой категорически отвергался аграрный террор и излагался подробный план партийной работы в деревне. Положение об аграрном терроре не нашло отражения ни в одном из программных документов партии социалистов-революционеров.

Осенью 1904 года В.М. Чернов представлял ПСР на Парижской конференции российских революционных и оппозиционных партий, рассматривавшей вопрос о совместной борьбе с самодержавием путем политических банкетов, митингов и демонстраций, а в апреле 1905 года участвовал в Женевской конференции российских революционных партий.

Разразившаяся в России революция открыла политическим эмигрантам дорогу на родину не сразу, это стало возможным, и то с огромным риском быть арестованным, лишь в октябре месяце, когда за изданием высочайшего Манифеста от 17 октября 1905 года последовала амнистия. В Петербург В.М. Чернов прибыл в конце октября 1905 года и сразу же перешел на нелегальное положение, на котором находился все три года, до второй своей эмиграции в 1908 году.

Первым делом он поспешил побывать у своих старых знакомых – членов редакции журнала «Русское богатство», где должно было состояться обсуждение вопроса об издании первой легальной газеты эсеровского направления. Таким изданием стала газета «Сын Отечества», правда, на весьма непродолжительное время, так как вскоре по распоряжению правительства была закрыта. Но это не остановило усилий эсеров иметь свой печатный орган. В.М. Чернов принял самое деятельное участие в издании таких газет, как «Голос», «Дело народа», «Мысль», «Народный вестник», «Земля», «Народный голос», «Партийные известия», «Труд», «Знамя труда», которые наполнял своими статьями и заметками. Он считал самой насущной проблемой, стоявшей в то время перед партией, достижение возможно более широкого охвата масс, в первую голову крестьянства, партийным влиянием, используя для этой цели установление прочных связей с массовыми организациями. С этой целью Виктор Михайлович пытался повлиять на позицию Петербургского Совета рабочих депутатов по ряду вопросов, призывая его «к осмотрительности, к более последовательной и выдержанной тактике вместо дерзких революционных импровизаций», но эсеровские призывы оказались тщетными. Куда более успешным оказалось их влияние на работу Всероссийского крестьянского союза, проводившего делегатский съезд в ноябре 1905 года в Москве, – делегаты солидаризовались с программным требованием эсеров «о передаче земли народу на основах уравнительного землепользования и при условии передачи земли тем, кто на ней трудится». Будучи сторонником тактики «не форсировать события», В.М. Чернов в это же время от имени ЦК прилагал усилия, оказавшиеся, к сожалению, безуспешными, чтобы убедить Московский комитет эсеров отказаться от проведения стачки и вооруженного восстания как мер несвоевременных, а потому бесперспективных. Резко выступая против тактики «распыления революции», под которой подразумевались разрозненные крестьянские выступления по захвату помещичьих земель, он настаивал на усилении социалистической пропаганды в деревне, полагая удержать революционную энергию крестьянства в

русле программы эсеровской партии. С пропагандистскими и организационными целями объехал Чернов всю России до Урала и Кавказа⁶³.

Пик популярности В.М. Чернова в период первой революции пришелся на время работы I съезда ПСР (конец декабря 1905 года – начало января 1906 года), на котором он играл исключительную роль, будучи основным докладчиком и автором почти всех резолюций съезда, и показав себя мастером компромиссов. Главным вопросом, обсуждавшимся на съезде, был вопрос о программе партии, которую фактически разработал Чернов. После длительных дебатов программа была принята. Она состояла из четырех блоков, содержавших характеристику капитализма, противостоявшего ему международного социалистического движения, специфики российского социалистического движения и конкретной программы этого движения во всех основных сферах общественной жизни: государственно-правовой, хозяйственно-экономической и культурной. При этом крестьянство являлось предметом особого внимания эсеров, а поэтому в центре хозяйственно-экономического раздела стояло требование социализации земли: отмена частной собственности на землю без выкупа, превращение ее не в государственную собственность, а в общенародное достояние без права купли-продажи, передача всей земли в заведование центральных и местных органов самоуправления, уравнильно-трудовое пользование землей. Считалось, что социализация земли создаст необходимые предпосылки для завершающей фазы процесса социализации земледелия – обобществления земледельческого производства с помощью различных форм кооперации.

О высоком авторитете В.М. Чернова среди эсеров убедительно свидетельствовали и результаты голосования при выборах ЦК: он получил 46 голосов против 64. Правда, при всем влиянии и авторитете ему все же не удалось предотвратить раскола в партии, которую покинула правая группа «Русского богатства» во главе с А.В. Пешехоновым, положившая начало формированию партии народных социалистов (энесов), и крайне левая группа эсеро-максималистов.

Немало внимания было уделено на съезде вопросу об отношении к Думе. В.М. Чернов призвал к бойкоту выборов в первую Государственную думу и был единогласно поддержан съездом. Однако увидев ошибочность этой тактики, Виктор Михайлович в феврале 1907 года выступил на II съезде партии за участие в выборах во вторую Государственную думу и убедил в этом делегатов съезда. В результате эсеры получили 37 депутатских мандатов, их влияние на крестьянских представителей в Думе существенно возросло. Если в первой Государственной думе аграрный законопроект эсеров собрал 33 подписи, то во второй – 105. Немалый вклад в расширение влияния партии среди крестьянских депутатов внес лично Виктор Михайлович, который вошел в аграрную комиссию по выработке законопроектов, участвовал в заседаниях фракции трудовиков, проводил большую разъяснительную работу, резко критиковал позиции энесов в аграрном вопросе.

Вскоре после роспуска второй Государственной думы и поражения революции обстановка, в которой действовала партия, резко изменилась. Было разгромлено большое количество партийных организаций в ряде городов, многие видные деятели эсеровского движения подверглись арестам и ссылке. Но все попытки полиции задержать Виктора Михайловича были безрезультатными, ему удалось дважды ускользнуть практически из рук полиции. Дальше оставаться в стране было опасно. В конце 1907 года В.М. Чернов перебирается в Финляндию, где в это время находилась его новая семья, а весной 1908 года переезжает во Францию. Началась его вторая эмиграция, продолжавшаяся девять долгих лет⁶⁴.

Летом 1908 года на I общепартийной конференции, состоявшейся в Лондоне, В.М. Чернов выступил с основным докладом, в котором подвел итоги революции 1905-1907 годов и изложил тактическую линию партии в новых условиях. Он считал, что наступление реакции еще не является концом революции, поскольку стоящие перед ней задачи не решены, а поэтому следует готовиться к новому революционному взрыву. В качестве ближайших целей определялось собирание сил партии и масс, расширение работы в массовых организациях

трудящихся: профсоюзах, кооперативах, различных просветительских обществах. Но и подготовка к вооруженному восстанию, развертывание террористической деятельности и работа в войсках не снимались с повестки дня. Эти установки были утверждены на IV Совете партии, состоявшемся сразу после конференции. Однако ни резолюции, ни призывы положения дел изменить уже не могли. Для их реализации у партии не было сил. В условиях поражения революции партия переживала серьезный кризис, ее ряды неуклонно таяли. В значительной мере ослаблению партии способствовала столыпинская аграрная реформа, направленная на разрушение общины – идейной основы эсеровской концепции социализации. Сильнейшим ударом по партии оказалось разоблачение руководителя Боевой организации и члена ЦК ПСР Евно Азефа, являвшегося долгие годы тайным агентом царской охраны.

В.М. Чернов пережил предательство Азефа как личную трагедию. Он считал его близким другом и принадлежал к числу тех, кто долго не мог примириться с мыслью, что Азеф – провокатор. Когда же были предъявлены веские улики, вместе с другими членами ЦК посчитал себя морально ответственным за провокаторскую деятельность Азефа и на V Совете партии в мае 1909 года заявил об уходе в отставку, сложив полномочия члена ЦК. Некоторое время он возглавлял центральный орган партии газету «Знамя труда» и пытался наладить выпуск собственного историко-партийного журнала «Социалист-революционер». Но «Знамя труда» вскоре стало терять положение центрального органа, и В.М. Чернов с 1910 года фактически отошел от работы в редакции. Не лучше обстояло дело и с журналом «Социалист-революционер»: за 1910-1912 годы удалось выпустить всего лишь четыре номера, на издание последующих не хватило финансовых средств. После опубликования в 1911 году «Заключения судебно-следственной комиссии по делу Азефа» В.М. Чернов, не согласившись с содержащимися в нем резкими оценками деятельности ЦК, вышел из состава Заграничной делегации партии, редакции «Знамени труда» и весной 1911 года вместе с семьей уехал в Италию. С 1911 по 1914 годы Виктор

Михайлович занимался преимущественно литературно-публицистической деятельностью, и не безуспешно.

В апреле 1911 года на парижской квартире Е.П. Пешковой произошло личное знакомство Горького и Чернова. В ходе состоявшейся беседы Алексей Максимович предложил В. М. Чернову попробовать свои силы в «Современнике». Виктор Михайлович ответил согласием, и уже в майском номере «Современника» за 1911 год на титульном листе в числе участников журнала значилась фамилия Чернова. В этом же номере была помещена обширная рецензия Виктора Михайловича на роман З. Гиппиус «Чертова кукла», дававшая весьма негативную оценку этому произведению.

Подводя первые итоги совместной работы с Черновым, редактор журнала Амфитеатров 27 мая 1911 года в послании к Горькому отмечал: «Чернов о Столыпине написал очень хорошо. Он так выписется в чудесного политического фельетониста. Притом легко с ним очень с редакторской точки зрения. Покладистый автор, желающий, чтобы у него все было по-хорошему. И работник»⁶⁵. Действительно, начиная с майской книжки журнала, в каждом номере «Современника» Виктор Михайлович регулярно публиковал критические статьи на литературные и публицистические произведения.

Однако вскоре в «Современнике» стал назревать конфликт, который обернулся расколом. Отчасти он был связан с объективными трудностями – члены редакции находились в разных местах, журнал же издавался в Петербурге, а потому в переписке далеко не все можно было открыто высказать и обсудить. Конфликт достиг апогея, когда один из учредителей журнала В.В. Водовозов нарушил ранее достигнутые с В.М. Черновым договоренности об общественно-политической платформе «Современника», заключавшиеся в том, чтобы органически связывать движение трудового крестьянства с движением пролетариата, последовательно вести борьбу против аграрной политики правительства, а в вопросе о бойкоте Думы занимать нейтральную позицию. Именно в этом направлении Виктор Михайлович подготовил для пятого номера журнала статью о столыпинской политике, которую В.В. Водовозов самолично снял и

вместо нее опубликовал собственную статью, проводя мысль о необходимости бойкота Думы и заявляя, что интересы пролетариата и крестьянства должны разойтись. Чернов, поддержанный Миролубовым, отреагировал на самоуправство Водовозова немедленно – в середине июня 1911 года Виктор Михайлович в письме Горькому, изложив суть конфликтной ситуации, заявил, что он видит один-единственный выход из сложившегося положения: из состава редакции должен выйти либо Водовозов, либо Чернов с Миролубовым⁶⁶. Амфитеатров, узнав о конфликте, поддержал Чернова и написал Водовозову, что его поступок в отношении черновской статьи делает невозможным дальнейшее с ним сотрудничество, после чего Водовозов вышел из редакции «Современника»⁶⁷.

После разрыва с Водовозовым Чернов и Миролубов в конце июня – начале июля 1911 года встретились с Амфитеатровым и издателем журнала П.И. Певиным по поводу новой программы журнала. А. М. Горький на этой встрече не присутствовал, но все обсуждавшиеся вопросы были с ним оговорены и согласованы. Результаты эти переговоров ясно видны из анализа седьмой книжки «Современника» за 1911 год: во-первых, на титульном листе журнала рядом с фамилией Амфитеатрова появились фамилии Горького, Чернова и Миролубова, что означало создание коллегиальной редакции вместо единоличного редакторства Амфитеатрова; во-вторых, от имени редакции был помещен новый Манифест, написанный в основном Черновым, который свидетельствовал, что журнал перешел на более близкие к эсерам позиции⁶⁸. Именно с этого номера в журнале появилась рубрика «Дела и дни», во многом определявшая взгляды журнала на политическую жизнь России. Рубрику эту вел Чернов, подписываясь псевдонимом Я. Вечев. В седьмом и восьмом номерах «Современника» за 1911 год Виктор Михайлович являлся одним из основных авторов: в каждой книжке журнала помещались его критическая статья и политический обзор в рубрике «Дела и дни», в совокупности занимавшие четвертую часть журнального пространства. В седьмом номере, в частности, появилась его статья о Столыпине и столыпинской политике – та, что была исключена Водовозовым из пятого номера. М. Горький, ознакомившись с июльской книжкой «Совре

менника», в письме Амфитеатрову особо отметил материалы Чернова и предложил, чтобы он занялся разоблачением веховца Гершензона⁶⁹.

Однако идиллия в редколлегии длилась недолго. Новый кризис в редакции «Современника» разразился осенью 1911 года, когда Амфитеатров стал тяготиться наличием редколлегии и поставил вопрос о восстановлении своего единоличного редакторства. Чернов и Миролубов ответили на это уходом из «Современника». Горький их поддержал, и Чернов предложил ему приступить к организации нового журнала⁷⁰. В середине ноября 1911 года он приехал к Горькому на Капри, где они несколько дней вели переговоры. Затем Чернов отправился в Париж, что было связано с поиском денег для затеваемого журнала; ему пришлось там задержаться дольше, чем предполагалось, но вопрос с деньгами в основном решился: из России только что приехал С. П. Постников, у которого имелись достаточные для издания журнала средства, и Чернов уговорил его вложить эти деньги в издание «Заветов» (так решено было назвать новый журнал).

К концу декабря 1911 года дело с выпуском журнала почти наладилось, и Чернов в первых числах января 1912 года вновь навестил Горького на Капри. Здесь же он познакомился с И. Буниным, М. Коцюбинским, Б. Зайцевым, которые изъявили желание принять участие в работе журнала и предоставили Чернову рукописи своих произведений.

С одной стороны, дело с «Заветами», казалось, успешно продвигалось, а с другой, у Горького начинались сомнения, которые он выразил в нескольких письмах Е. Пешковой. Так, 12 января он сообщал: «Написал небольшую повесть для нового эсеровского журнала... Мне самому участие это не по душе, но может быть удастся, хоть отчасти, осуществить мою мечту о создании общероссийского журнала, который ознакомил бы общеимперскую интеллигенцию друг с другом и культурной деятельностью всех племен государства»⁷¹.

Горький явно остыл к идее издания журнала совместно с Черновым и думал уже о другом журнале. И ему нужен был предлог, чтобы отказаться от участия в проектируемом журнале.

Судя по переписке с Ивановым-Разумником, Горький порвал с «Заветами» из-за публикации там романа Ропшина (Б. Савинкова) «То, чего не было». Но в письмах, посланных Чернову, Миролюбову и тому же Иванову-Разумнику в середине января 1912 года, Алексей Максимович назвал другую причину разрыва с «Заветами» – Чернов и Миролюбов не поставили его в известность о переговорах, которые они якобы вели с Ивановым-Разумником об участии в организуемом ими журнале⁷².

В конце января 1912 года Чернов и Горький обменялись письмами, которые должны были исчерпать конфликт. Чернов писал Алексею Максимовичу, что до разговоров с ним в январе 1912 года он не вел никаких переговоров с Разумником, что поступок Горького позволяет ему сделать вывод о недоверии к нему со стороны Алексея Максимовича и что он вовсе не заслужил к себе такого отношения. В ответном письме Горький признал свою ошибку, извинился перед Виктором Михайловичем и Миролюбовым и разъяснил, что его «часто и грубо эксплуатировали», а потому это не могло не породить в нем определенного недоверия к людям. Завершая письмо, он заверил Чернова: «Этот случай...не изменит моего к вам уважения и больших надежд моих на Вас, как на человека, который вполне способен сделать много добра»⁷³.

Следует отметить, что в январе 1912 года Чернов усиленно занимался подготовкой первого номера «Заветов», сообщал Горькому о его содержании и выражал надежду, что, несмотря на спешку, журнал обещает быть интересным и должен выйти в оговоренные сроки. Однако неожиданный для Чернова конфликт с Алексеем Максимовичем, в результате чего тот потребовал возвращения рукописи своей повести «Три дня», которую планировалось дать в первом номере «Заветов», и другие обстоятельства задержали выпуск журнала.

В опубликованных письмах Горького имеется его переписка с В. И. Лениным, относящаяся к концу февраля – началу марта 1912 года. Из нее следует, что Ленин пытался повлиять на отношение Горького к Чернову. Он, в частности, писал Горькому, что испытывает чувство грусти от его «романа» как с Черновым, так и с Амфитеатовым и ощущает радость оттого, что у них все

«лопается»⁷⁴. Более ранние письма Ленина к Горькому по этому вопросу нам неизвестны, но это вовсе не исключает возможности их разговора по данной теме. И не в ленинском ли давлении на Горького подлинная причина его разрыва с «Заветами»?

После конфликта Алексей Максимович очутился в довольно щекотливой ситуации: с одной стороны, он признал свою ошибку и извинился, а с другой, уже решил для себя больше не возвращаться в журнал. Первое время эта ситуация, по всей видимости, его весьма тяготила, во всяком случае, он чувствовал за собой определенную вину. В письме Е. Пешковой от 6 марта 1912 года есть знаменательные строки: «Уже стал собираться к вам – вдруг телеграмма: «Заветы» выходят в апреле. Все бросил, сел писать, завтра кончу и пошлю»³³. И, действительно, 7 марта Алексей Максимович послал Миролубову рукопись рассказа «Рождение человека», который поместили в первом номере «Заветов». Однако этим сотрудничество Горького с «Заветами» завершилось, ибо он был очень недоволен, что его рассказ помещен вместе с романом Ропшина, а он просил этого не делать. Под этим предлогом Горький посчитал себя свободным от обещания сотрудничать в «Заветах», хотя, как уже отмечалось, он задумал уйти из журнала еще до того, как вышел первый номер.

Что же касается журнала «Заветы», то он начал выходить с апреля 1912 года ежемесячно. До осени 1914 года было выпущено 28 номеров. Основную линию журнала определял Чернов, много места в «Заветах» занимали его статьи и очерки. Так, в первом номере были помещены три статьи Виктора Михайловича: «Умеренные» и «крайние» с критикой Изгоева, «Сущность «обновленного строя» (под псевдонимом Ленуар) с критикой столыпинской политики, «Обострение национального вопроса и задачи прессы» (под псевдонимом Великоросс) и политические фельетоны в рубрике «Дела и дни» (под псевдонимом Я. Вечев).

Об уровне журнала можно судить по его авторам. В «Заветах» публиковалась проза Л. Андреева, М. Пришвина, Ф. Соллогуба, К. Тренева, Е. Замятина, В. Шишкова, Б. Зайцева, А. Н. Толстого, И. Бунина, стихи А. Блока, Н.

Клюева, А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, К. Бальмонта, из зарубежных авторов печатались Г. Уэллс, Б. Шоу, М. Андерсен-Нексе и другие. Одним из наиболее публикуемых авторов рецензий был молодой тогда социолог П. Сорокин.

Большое количество публикаций самого Виктора Михайловича в каждом номере журнала нередко вызывало нарекания со стороны литераторов, но в то же время нельзя не сказать и о том, что в «Заветах» печатали и таких авторов, взгляды которых существенно расходились с редакторскими. Так, напечатан роман Ропшина (Б. Савинкова) «То, чего не было», редакция в ответ на протест видных общественных деятелей против этой публикации (протест был помещен в журнале) опубликовала свое заявление, в котором указала, что роман Ропшина появился не из-за совпадения взглядов, а потому что редакция считала необходимой осуществлять действительную свободу мысли и критики. Известный российский историк и литературовед П. Щеголев, приводя этот ответ, отмечал в двенадцатом номере «Современника» за 1912 год, что это уникальное явление в нашей журналистике, настоящее торжество терпимости, свободы мысли и критики. Редакция «Заветов» тем самым показала, что для нее свобода мысли и критики – непустая фраза⁷⁵.

С началом Первой мировой войны журнал «Заветы»⁷⁶, как и многие другие, был закрыт, а В.М. Чернов вновь переключился на революционно-политическую деятельность.

В начале осени 1914 года он перебирается из Италии во Францию, в Париж. Начавшуюся войну Виктор Михайлович характеризовал как величайшую катастрофу для социализма, для демократии и вообще для всей европейской цивилизации, считал идейным и моральным самоубийством для социалиста принятие той или иной воюющей стороны. Заняв интернационалистские позиции, он неустанно разъяснял свои взгляды по отношению к войне через газеты «Жизнь» и «Мысль», на страницах которых выдвинул и отстаивал свою теорию «третьей силы». Суть ее заключалась в том, что противостоять войне двух «мировых политических трестов» в состоянии лишь международное социали

стическое движение, ибо только оно может стать той «третьей силой», которая заставит обе стороны прекратить войну. Для формирования «третьей силы» необходимо добиться единства всех социалистических сил – и оборонцев, и левых, и центр, и пацифистов. На этой идейно-теоретической основе В.М. Чернов выступал за восстановление Интернационала. Лишь возродив Интернационал, считал он, социалисты смогут стать той «третьей силой», которая заставит империалистические «тресты» прекратить войну и заключить справедливый мир. Наиболее полно концепция «третьей силы» изложена В.М. Черновым в брошюре «Война и «третья сила», опубликованной в 1915 году в Женеве. Свои взгляды на войну и пути выхода из нее он последовательно отстаивал на лондонской конференции социалистов стран Антанты в феврале 1915 года, на антивоенных конференциях социалистических партий в Циммервальде в сентябре 1915 года и в Кинтале в апреле 1916 года. В сложившихся условиях главной тактической задачей партии социалистов-революционеров он считал «превращение переживаемого цивилизованным миром военного кризиса в кризис революционный». При этом В.М. Чернов не исключал, что именно России суждено стать той страной, которая даст толчок к переустройству мира на социалистических началах.

Весть о Февральской революции вызвала радостное возбуждение у В.М. Чернова. Он рвался в Россию, куда смог попасть только в начале апреля 1917 года и был торжественно встречен в Петрограде представителями Совета, членами эсеровской партии, солдатами гарнизона, рабочими фабрик и заводов. И сразу же с головой окунулся в бурную атмосферу революционных событий. Он был избран членом Исполкома и товарищем председателя Петроградского Совета, товарищем председателя ВЦИК и почетным председателем ЦИК Совета крестьянских депутатов, на III съезде партии (май-июнь 1917 года) вновь вошел в состав ЦК и редакцию газеты «Дело народа».

Разразившуюся революцию по своему характеру он оценивал как «народно-трудовую», главной задачей которой является демократизация власти и социализация земли, призванные создать условия и возможности для эволюцион

ного развития к социализму. Первоначально В.М. Чернов выступал против вхождения социалистов в правительство, полагая, что за ними нет сильного, организованного большинства, а поэтому они не смогут иметь в правительстве достаточного влияния. Немаловажное значение придавал единому блоку эсеров, трудовиков и народных социалистов, формированию которого уделял значительное внимание. В то же время выступал с критикой Временного правительства за его отход от демократической политики, в особенности против министра иностранных дел П.Н. Милюкова, пытавшегося продолжать внешнюю политику прежнего режима, не признавал и авантюристический курс Ленина на социалистическую революцию. Однако в период первого правительственного кризиса в конце апреля 1917 года пересмотрел свою позицию по вопросу о коалиции. Силы трудовой демократии, писал он, возросли настолько, что ей уже нельзя больше уклоняться от ответственного участия в правительстве, которое должно приостановить нарастание экономического хаоса в стране, уберечь ее от гражданской войны, создать предпосылки для решения вопроса о войне и мире и провести выборы в Учредительное собрание.

В начале мая Петроградский Совет принял резолюцию об образовании коалиционного Временного правительства, в состав которого вошли шесть министров-социалистов, в том числе В.М. Чернов, занявший пост министра земледелия. Одновременно он стал и членом Главного земельного комитета, на который была возложена задача подготовки земельной реформы.

Деятельность В.М. Чернова на посту министра земледелия и в первом, и во втором коалиционных правительствах была активной: на рассмотрение правительства было внесено около десятка законопроектов. Однако его положение было весьма сложным: в поисках решения аграрного вопроса ему приходилось лавировать между интересами крестьян и землевладельцев, развернувших против него шумную кампанию в прессе. В итоге из предлагавшихся Черновым законопроектов всего лишь два стали законами – о запрещении земельных сделок и о прекращении работ столыпинских землеустроительных комиссий. В августе 1917 года В.М. Чернов по собственной инициативе вышел из состава прави

тельства, будучи обеспокоенный тем, что дальнейшее пребывание на посту министра земледелия в условиях открытого саботажа всех его начинаний, дискредитирует партию эсеров. К осени 1917 года он окончательно пришел к выводу, что коалиция с буржуазными партиями бесперспективна и губительна, что в России реально встал вопрос о создании однородного социалистического правительства.

В начале октября В.М. Чернов предпринял поездку по стране с целью выяснения настроения масс. Он побывал в Москве, затем выехал в Минск на съезд крестьянских секций Западного фронта, где его застала весть о большевистском перевороте. Взятие власти большевиками получило резко негативную оценку со стороны Чернова, он считал этот политический акт незаконным, нарушавшим естественный путь развития России. Следует отметить, что в отечественной литературе в течение десятилетий указывалось, что Чернов вел антисоветскую деятельность. Однако такое утверждение не соответствует действительности: он никогда не выступал против Советов как одной из форм власти, признавал их большое значение в революции, но считал, что Советы, во-первых, не должны сосредотачивать в своих руках всю полноту власти и, во-вторых, в них не должно быть присутствия представителей только одной политической партии. На самом же деле с октября 1917 года Виктор Михайлович вел борьбу только против большевистской диктатуры, будучи убежден, что она нанесла стране огромный вред.

Прибыв в Петроград, В.М. Чернов активно включился в противодействие большевикам, придерживаясь тактики «равно далекой и от правого оптимизма и от правого пессимизма», то есть первостепенное значение он придавал тому, чтобы партия эсеров своими экстремистскими действиями не спровоцировала большевиков на срыв Учредительного собрания и развязывания гражданской войны.

Еще задолго до революции 1917 года В.М. Чернов выступал за созыв Учредительного собрания, которое должно было решать все основные проблемы дальнейшего развития страны. И вот настал момент, когда возглавляемая им

партия завоевала абсолютное большинство голосов на выборах в Учредительное собрание. Надо было дать бой захватившим власть большевикам открыто и легально. Однако начало работы Учредительного собрания под теми или иными предложениями большевиками все время откладывалось. Когда же 5 января 1918 года оно, наконец, открылось, большевики, не сумевшие навязать ему свою волю, разогнали его в ночь на 6 января. В.М. Чернов, избранный председателем Учредительного собрания, не признал законность этих действий и призвал к активному сопротивлению большевистскому режиму.

Фактически со времени разгона Учредительного собрания в течение двух с половиной лет Виктор Михайлович находился на нелегальном положении, скрывался от ареста, его преследовали как большевики, так и правительство Колчака. После скитаний по Поволжью, Предуралью и Уралу, ареста правительством Колчака и освобождения из тюрьмы Чернов оказался в Москве⁷⁷, откуда по решению партии эсеров в сентябре 1920 года эмигрировал за рубеж. Началась его третья, последняя эмиграция, продлившаяся до конца жизни.

Покинув Россию по эстонскому паспорту на имя Бориса Сергеева, В.М. Чернов около полутора лет провел в Эстонии, проживал в Юрьеве (Дерпт) и Ревеле (Таллинне). Выбор этот не был случайным. Для него было важно находиться в непосредственной близости от России. К тому же в Эстонии имелась многочисленная русская колония и довольно сильны были позиции местных эсеров, располагавших неплохой издательской базой. При этом Юрьев ему был хорошо известен еще с гимназической поры, да и его третья жена, Ида Самойловна Педер-Сермус, с которой он прибыл в Эстонию, являлась уроженкой этого города.

Перед В.М. Черновым стояли две задачи: наладить издательскую деятельность партии и предпринять попытку сплотить на партийной платформе разрозненные эмигрантские группы эсеров.

Уже 19 сентября 1920 года эсеровская газета «Народное дело», выходившая в Юрьеве, опубликовала интервью с Черновым, который поделился своими мыслями о положении большевистской власти и задачах эсеровской партии.

Установившийся в России режим он назвал «иезуитским, опекунско-коммунистическим», который держится благодаря «интервенции, блокаде и контрреволюционной опасности», что позволяло большевикам «играть несвойственную им роль носителей национальной идеи»⁷⁸. «Партия считает, – утверждал Чернов, – что ее час скоро пробьет», хотя борьба может оказаться затяжной и нелегкой. Все высказанное в этом интервью будет затем с разными вариациями повторяться в многочисленных выступлениях Чернова в течение всего времени его пребывания в Эстонии. В «Народном деле» одна за другой появляются черновские статьи, в которых определялись задачи партии, тактика борьбы с большевиками и намечались планы будущих преобразований в освобожденной от большевистского режима России.

К концу декабря 1920 года В.М. Чернов наладил выпуск нового эсеровского журнала, получившего название «Революционная Россия», что должно было символизировать его преемственность с первым Центральным органом партии, издававшимся в 1901-1905 годах. С первого номера, вышедшего 25 декабря 1920 года, «Революционная Россия» стала боевым органом эсеровской партии, живо откликавшимся на события в России, аргументировано критиковавшим большевистскую политику и последовательно проводившим партийную линию. Особое внимание уделялось разработке теоретических проблем, планов будущего переустройства России, а поэтому центральное место в журнале занимал отдел «Программные вопросы». Первые 15 номеров этого издания (по декабрь 1921 года включительно) вышли в Эстонии. Большая часть статей принадлежала перу В.М. Чернова, но ему удалось привлечь к сотрудничеству в журнале видных представителей эсеровской партии: В.М. Зензинова, А.Ф. Керенского, О.С. Минора, В.Н. Лебедева, Е.А. Сталинского, В.В. Сухомлина, И.А. Рубановича, Г.И. Шрейдера, М.Л. Слонима. И это весьма показательно.

В идейно-политическом отношении ПСР никогда не отличалась монолитностью, и это обстоятельство с особенной силой проявлялось в разного рода неординарных ситуациях. К 1921 году среди эсеровской эмиграции сложилось

три основных течения: правые (Авксентьев, Гуковский, Вишняк, Бунаков, Руднев, Коварский, Роговский), центристы (Зензинов, Минор, Керенский, Брушвит) и левые (Сталинский, Слоним, Шрейдер, Лебедев, Махин)⁷⁹. И если правых В.М. Чернов определял как «ушедших слишком далеко не только от интернационализма, но даже и от социализма, в настоящем смысле этого слова», то центристов и левых он считал возможным сплотить вокруг членов Заграничной делегации (Чернов, Сухомлин, Русанов, Гавронский), стоявших строго на позициях, выработанных ЦК партии. С этой целью он вплоть до 1926 года отчаянно боролся за проведение в жизнь левоцентристской политики во всех вопросах, касавшихся деятельности эсеровской эмиграции. Поэтому уже с первых дней своего пребывания за рубежом Чернов старался найти реальную, практическую платформу, которая бы на деле консолидировала заграничных социалистов-революционеров. Сотрудничество центристов и левых как в «Революционной России», так и в газете «Воля России» открывало хорошие перспективы в этом направлении. Именно этим обстоятельством определялось и предложение Чернова восстановить в ЦК добровольно сложившего свои полномочия В.М. Зензинова и включить в состав ЗД ПСР А.Ф. Керенского. Более того, по отношению к Керенскому он шел еще дальше. В сентябре 1921 года Чернов обратился к нему с письмом, в котором предлагал предать забвению все их прежние расхождения и противоречия во имя сотрудничества для будущей демократической России⁸⁰. С этой же точки зрения он оценивал и деятельность «Внепартийного объединения» и состоявшееся в Париже в январе 1921 года Сопещание бывших членов Всероссийского Учредительного собрания, хотя считал эти образования с партийной точки зрения нелегитимными и не идущими в конечном итоге на пользу партии. Еще более веские основания для общей деятельности как левых, так и центра, для сплочения рядов эсеровской эмиграции открывались в связи с кронштадтскими событиями. «Подоспевший гром кронштадтских батарей, – писал Чернов, – повлиял на всех страшно сильно. Явилась тяга к России, вера в близкое «движение». Сразу зародились планы перенести больше сил и материальных средств на территории, прилегающие к России»⁸¹.

В дни Кронштадтского восстания В.М. Чернов все время пребывал в Ревеле, развернув бурную деятельность. Он буквально засыпал Административный центр «Внепартийного объединения», находившегося в Праге, письмами и телеграммами, требуя перебросить в Прибалтику все наличные эсеровские силы, организовать продовольственную и денежную помощь восставшим и сформировать из находившейся на территории Эстонии бывшей Северо-западной армии несколько вооруженных отрядов для борьбы с большевиками⁸². В «Революционной России» появляются несколько статей, призывавших трудящихся России поддержать мятежный Кронштадт всеобщей стачкой и восстанием. Дважды к восставшим обращался сам Виктор Михайлович, пытаясь наладить с ними прочные связи. В первом послании, переданном по телеграфу, говорилось: «Председатель Учредительного собрания Виктор Чернов шлет свой братский привет героическим товарищам матросам, красноармейцам и рабочим, в третий раз с 1905 года свергающих гнет тирании. Он предлагает помощь людям и свое посредничество для обеспечения Кронштадта снабжением через заграничные русские кооперативные организации. Сообщите, сколько и чего нужно. Готов прибыть лично и поставить на службу народной революции свои силы и свой авторитет. Верю в конечную победу рабочего народа. Отовсюду приходят вести о готовности масс к восстанию во имя Учредительного собрания. Не поддавайтесь на удочку переговоров, начатых большевистской властью с целью выгадать время и сосредоточить против Кронштадта наиболее верные части привилегированной «советской гвардии». Слава первым, поднявшим знамя народного освобождения! Долой деспотию слева и справа! Да здравствует свобода и народовластие!»⁸³. В другом, отправленном нарочным, Чернов писал: «Заграничное представительство партии с.-р. – партии, чуждой всякого вспышкочающегося, все последнее время сдерживавшей в России приступы народного гнева и пытавшейся многократно давлением общественного мнения рабочих и крестьян принудить Кремлевских диктаторов уступить народным требованиям – ныне, когда чаша народного гнева переполнилась и знамя народной революции гордо поднято в Кронштадте, предлагает восставшим содей

ствие всех, имеющих в его распоряжении партийных сил в деле борьбы за свободу и народовластие. Социалисты-революционеры готовы разделить Вашу участь и победить или умереть в Ваших рядах. Сообщите, в каком направлении желательнее всего поддержка. Да здравствует народная революция, да здравствуют свободные советы и Учредительное собрание!»⁸⁴. Но кронштадтский Временный Революционный Комитет, в принципе не отвергая предложения эсеров, не счел возможным воспользоваться ими немедленно, о чем и уведомил В.М. Чернова. Вскоре восстание было потоплено в крови.

Последствия поражения Кронштадского восстания были весьма ощутимы и для партии эсеров, и лично для В.М. Чернова. Под давлением большевистской власти министр иностранных дел Эстонии 25 марта 1921 года приказал главе таллиннского полицейского управления депортировать В.М. Чернова и его жену из Эстонии. Правда, полиция не торопилась с выполнением этого решения, поскольку в октябре 1921 года в одном из сообщений департамента полиции указывалось, что Черновы продолжают жить в Таллине⁸⁵. Однако, несмотря на лояльность эстонских властей, В.М. Чернов вынужден был в начале весны 1922 года покинуть Таллинн и перебраться в Берлин. Именно этим обстоятельством был вызван длительный перерыв в издании «Революционной России». Ее строенный номер (№ 16-18, за январь-март) вышел в Берлине только в апреле 1922 года.

Тем временем левоцентристская политика В.М. Чернова, поддерживаемая ЦК, а затем заменившим его Центральным организационным бюро, приносила, хоть и не обильные, но все же важные результаты. С марта 1922 года вся эсеровская эмиграция, поддержанная меньшевиками, сплотилась на почве защиты большой группы своих товарищей во главе с членами ЦК, представшей перед судом Верховного Революционного трибунала. Эсеры развернули за рубежом беспрецедентную антибольшевистскую кампанию, которая стала катализатором мощного протестного движения, охватившего на Западе разные общественные слои, в первую очередь рабочее и социалистическое движение. Начавшийся в Москве судебный процесс объединил все эсеровские заграничные те

чения, дружно выступившие единым фронтом. При этом заграничные эсеры пытались действовать во всех направлениях: от инициации резолюций и писем протеста со стороны видных общественных деятелей и политических партий до организации за границей митингов-протестов. В.М. Чернов находился в самой гуще протестной кампании, мобилизовав все возможные ресурсы: от прессы до личных связей и знакомств. В частности, от имени Заграничной делегации ПСР им был составлен обстоятельный меморандум⁸⁶, представленный на проходившую в апреле 1922 года в Берлине конференцию социалистических и коммунистических партий, который произвел огромный пропагандистский эффект. «Революционная Россия» подробно освещала как зарубежную пропагандистскую кампанию вокруг судебного процесса, так и сам ход московского судилища. Безусловно, широкая антибольшевистская кампания, поднятая эсерами за рубежом, не могла не повлиять на итоги судебного процесса.

Следующим закономерным шагом в сплочении рядов заграничных эсеров стали Берлинское совещание социалистов-революционеров в декабре 1922 года и Первый съезд заграничных групп ПСР в ноябре 1923 года в Праге. Совещание было созвано для определения путей консолидации всех партийных сил с перспективой создания единой организации и обсуждения основных вопросов программы и тактики. На нем присутствовали делегаты от 5 партийных групп и уполномоченные Заграничной делегации. В.М. Чернов, В.В. Сухомлин, М.Л. Слоним и Е.А. Сталинский выступили докладчиками от Заграничной делегации ПСР, а Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков, О.С. Минор, В.В. Руднев и А.Ф. Керенский – от парижской группы содействия ПСР. В своей речи В.М. Чернов вновь подчеркнул, что самой насущной задачей ПСР является сплочение партии и соби́рание сил для будущего. «Как для победы над большевизмом, так и для преодоления бонапартистской опасности, а равно и для быстрого и успешного перехода к прочному режиму народовластия, – говорил он, – необходимо прежде всего – устранение партийной организационной расхлябанности, скрепленное твердой организационной дисциплиной действительное единство партии»⁸⁷.

В отличие от Берлинского совещания, носившего частный характер, Первый съезд заграничных групп стал «первым правомочным съездом партийных организаций, компетентным выносить решения, обязательные для членов партии, проживающих за пределами Советской России»⁸⁸. И правые, и левоцентристы пришли к договорились о создании единой заграничной партийной организации и избрали на паритетной основе Областной комитет, призванный руководить ее работой. С этого момента Заграничная организация ПСР, где центральную роль играл В.М. Чернов, сохраняла за собой только функции по поддержанию контактов с Россией и Рабочим Социалистическим Интернационалом. Однако достигнутое на пражском съезде формальное единство не было прочным. Несмотря на принятие обеими группировками совместной декларации, в которой выражалось стремление к созданию республиканского демократического строя, основанного на многоукладной экономике, внутренние разногласия продолжали иметь место, в частности, во взглядах на особенности русской революции и перспективы построения социализма. Все попытки В.М. Чернова найти «золотую середину» и не отклониться от общепартийных решений и позиции ЦБ ПСР все больше и больше упирались в амбиции отдельных деятелей, обрастали слухами, сплетнями и склоками. Деятельность Областного комитета оказалась фактически парализованной, единая заграничная организация как таковая практически бездействовала. Более того, расхождения обнаружились и внутри Заграничной делегации ПСР. С особенной силой сепаратистские тенденции стали выходить наружу после разгрома последнего состава ЦБ ПСР в мае 1925 года, что означало, что в России больше не существует эсеровского руководящего центра.

В.М. Чернов и его ближайшие соратники по ЗД ПСР пришли к выводу, что провал ЦБ ПСР – дело рук провокатора, причем этим провокатором является никто иной, как один из тех, кто причастен к работе ЗД. Подозрение пало на Л.В. Росселя, была создана специальная комиссия по расследованию этого дела⁸⁹. Однако некоторые члены Заграничной делегации (М.Л. Слоним, Е.А. Сталинский, В.В. Сухомлин и С.П. Постников) категорически высказались против

дальнейшего расследования, аргументируя свою позицию морально-этическими соображениями. Между В.В. Сухомлиным и В.Я. Гуревичем, который выступал главным обвинителем, произошло серьезное столкновение. Сухомлин потребовал удаления Гуревича из состава ЗД ПСР, его поддержали Слоним и Сталинский. В.М. Чернов, Г.И. Шрейдер и В.Я. Гуревич, обвинив противоположную сторону в саботаже расследования и стремлении сконцентрировать в своих руках власть в ЗД ПСР, объявили о своем отказе принимать участие в заседаниях Заграничной делегации. Все это произошло в начале лета 1926 года в Чехословацкой республике, куда еще в конце 1923 года переехал весь состав Заграничной делегации.

ЗД ПСР практически перестала существовать, а с образованием в 1927 году черновскими сторонниками самостоятельного Заграничного Союза ПСР, который, по словам Чернова, продолжил «старую левоцентристскую ориентировку партии», прекратила свое существование представлявшая к этому времени чисто номинальное образование и единая Заграничная областная организация. С 1927 по 1933 годы с группой Чернова вели ожесточенную полемику как недавние ее соратники по ЗД ПСР, так и представители центристов и правых из Заграничной областной организации. И лишь в середине 1933 года распри стали заметно стихать, а затем заглохли вовсе.

Летом 1927 года Заграничный Союз в поисках новых форм политической борьбы и новых союзников выступил с инициативой создания «Лиги Нового Востока», в которую вошли также представители украинской, белорусской и армянской социалистических партий. Лига выступала за право национального самоопределения народов, проживавших на территории СССР. С ее точки зрения, Советский Союз должен неизбежно распасться на самостоятельные национальные образования, которые затем совместно с Польшей, Финляндией и Прибалтийскими республиками образуют «надгосударственное объединение»⁹⁰. «Лига Нового Востока» не имела особого успеха, ее деятельность прекратилась в 1929 году.

Между тем, В.М. Чернов включил в поле своей деятельности Северную Америку, куда он отправился в конце 1928 года с целью обрести себе союзников и собрать необходимые средства для продолжения издания «Революционной России», находившейся в это время в крайне тяжелом финансовом положении. И действительно, в результате его почти двухлетнего пребывания в США там было создано несколько эсеровских групп, объединившихся на первых порах в довольно боевую Американскую Федерацию ПСР, программу которой составил В.М. Чернов. Виктор Михайлович побывал во многих американских городах, выступал на митингах, читал лекции, участвовал в диспутах, встречался с американскими социалистами, школьниками, студентами, сенаторами, государственными деятелями. Со стороны американской компартии против него была развязана довольно шумная и грязная кампания. В городах, где проходили его лекции, массовыми тиражами на русском и английском языках распространялись листовки с призывом бойкотировать все мероприятия с участием Чернова, его называли «отъявленным фашистом», «подлой тварью», «наемником буржуазии». Вот лишь некоторые образчики того стиля, который удивительно схож с писаниями большевистской пропаганды. «Если мы примем во внимание ту лихорадочную подготовку нападения на Советский Союз со стороны империалистов под руководством Америки, то станет понятным, почему господа Черновы разъезжают по Америке, и не трудно догадаться, кем оплачиваются эти колоссальные расходы... Теперь Черновы ограничиваются словесной ложью о рабочей республике. Но рабочие не забыли, что Чернов возглавлял террористическую организацию буржуазии, партию эсеров, и вместе с Савинковым и другими ответственны за покушение на Ленина в 1918 году, за убийство вождей Октябрьской революции Володарского и Урицкого. Эти предатели ответственны за убийство сотен тысяч русских рабочих и крестьян бандами Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля, Семенова и других, с которыми они заключили союз для этой цели... Чернов призывал союзных империалистов к интервенции в 1918 году. Он это делает и теперь. Чернов организует белогвардейцев для вторжения в СССР. Дадим отпор замыслам этих предателей! Все на

защиту Советского Союза!»⁹¹. Помимо подобного рода пропагандистских «находок» местные отделения компартии формировали небольшие отряды из иммигрантов, зачастую не знавших русского языка, и пытались с их помощью устраивать дебоши во время лекций Чернова. В Лос-Анджелесе и Сан-Франциско им удалось сорвать несколько выступлений Виктора Михайловича. В целом же лекционное турне прошло с большим успехом, при переполненных залах, с подробной информацией в американской прессе. Но вот собрать значительную сумму для «Революционной России» Чернову так и не удалось – в Америке начиналась Великая депрессия.

Помимо лекционных турне, а в 1920-е годы Виктор Михайлович объездил почти всю Европу, он много занимался научными изысканиями. Переехавшись из Берлина в Прагу, Чернов возглавил социально-политический отдел Института изучения России и занял должность профессора по кафедре социологии и социальной политики в Украинском социологическом институте, где ему была присуждена степень доктора социологических наук. В Праге в 1925 и 1934 годах вышли две его замечательные книги – «Конструктивный социализм» и «Рождение революционной России». В первой из них Чернов пришел к выводу, что время утопического и научного социализма бесследно прошло, теперь наступило время реального, конструктивного социализма, который может быть осуществлен только через кооперирование населения той или иной страны. При этом он полагал, что сохранение в российском обществе элементов общинного коллективизма позволит России быстрее встать на путь кооперативного социализма. Во второй книге Чернова серьезному исследованию подвергнуты события Февральской революции: ее причины, массовое сознание и поведение накануне и во время революционных дней, причины поражения демократии и победы большевизма. В 1936 году в США на английском языке вышел его фундаментальный труд «Великая русская революция» – расширенный и переработанный вариант предыдущей книги. Остались не опубликованными такие его законченные работы, как второй том «Конструктивного социализма», «История Гражданской войны» и «Демократия, диктатура, социализм:

К итогам марксизма». В 1930-е годы он начал работать над «Историей ПСР», которая так и не была завершена. Если к этому еще добавить две вышедшие книги его воспоминаний – «Моя жизнь в Советской России» (1921) и «Записки социалиста-революционера» (1922), то станет вполне очевидно, насколько многогранной, насыщенной, интенсивной была его творческая жизнь.

Не следует забывать и того, что В.М. Чернов много печатался в периодических изданиях, и не только в эсеровской партийной прессе. Его аналитические статьи охотно публиковали в солидном американском журнале «Foreign Affairs», влиятельной американской еврейской газете «Forward», в польских «Dos Coort», «Dos Wort», «Pizeqland Wschdni», в эстонских «Päevaleht», «Aeg» и ряде других. В своих статьях Виктор Михайлович анализировал происходившие в мире события, осуждал фашизм и большевизм, указывая на их глубокое внутреннее сродство, предостерегал против опасности сговора между ними против демократических стран в вопросах внешней политики, призывал к объединению антифашистских сил, к оказанию помощи Испанской республике, к поддержке жертв сталинских репрессий.

С 1934 года начинается его тесное сотрудничество с палестинской газетой «Давар». Первоначально редакция просила Чернова присылать хотя бы одну статью в месяц, а спустя некоторое время буквально умоляла давать не менее трех-пяти статей и несколько коротких заметок информационного характера – столь интересными для читателей оказались работы В.М. Чернова⁹². В одном из писем редактор «Давара» сообщил: «Все Ваши статьи получают регулярно и печатаются. Читают их с интересом... Вы дороги еврейским рабочим Палестины, среди которых есть много выходцев из России, которые знали Вас во время революции»⁹³. Имя Чернова становится популярным в стране, и в середине августа 1934 года ЦК Еврейской рабочей партии приглашает его посетить Палестину, чтобы «прочитать ряд докладов (приблизительно 25) в городах, колониях и рабочих хозяйствах на разные темы в связи с актуальными проблемами международного рабочего движения»⁹⁴.

В.М. Чернов охотно принимает предложение и вместе с женой в конце 1934 года отправляется в Палестину, где пробыл почти полгода. Он ознакомился с жизнью различных слоев населения, посетил многие города и сельские поселения, фабрики и кибуцы, учреждения и учебные заведения. Результаты своих наблюдений, свои впечатления от увиденного он отразил в серии газетных статей, в подготовленных, но неопубликованных главах большой книги «Палестина: Поездка Виктора Чернова, 1934-1935».

В одной из таких глав, названной «Палестинский опыт конструктивного социализма», Чернов отмечал, что еврейские рабочие Палестины нашли свой путь к социализму: если в Европе отправная точка социализма – в городе, в индустрии, в пролетариате, то социализм Палестины начинается с деревни, где кибуцы стали основной строительной ячейкой социализма. Здесь, по мнению Виктора Михайловича, сумели решить вопрос о земельной собственности, перед которым робели европейские социалисты, – создан неотчуждаемый национальный земельный фонд, переданный в пользование или кибуцам, или семейным коллективам, не применяющим наемного труда (мошав). Если в первые годы своего существования кибуцы и мошавы получали дотации, то с созданием кооперативных центров по закупке необходимых деревне товаров, сбыту и переработке сельскохозяйственной продукции доходы в сельском хозяйстве резко возросли и большинство кибуцев стали получать значительную прибыль⁹⁵.

Чернов подчеркивал, что именно в деревне началось социалистическое строительство Палестины, здесь попытались создать «высшую форму коллективной жизни – интегральную коммуну; психологией коллективизированной деревни навеяна и основная идея сионистского социализма – построить все народное хозяйство Палестины на трудовых, кооперативных, коллективистских началах. Если бы эта идея могла быть реализована, то оказалось бы, что еврейский социализм осуществил старую мечту русского социалистического народничества, так и оставшаяся мечтой, – совершенно миновать стадию капитали

стического развития, придя к социализму непосредственно через объединение трудового хозяйства на путях кооперативной эволюции»⁹⁶.

Анализируя положение в городах Палестины, Виктор Михайлович отмечал, что в них, несмотря на все усилия Гистадрута⁹⁷, обстановка для социалистического строительства совсем иная: наличие и рост частнокапиталистических предприятий, слабость потребительской и производительной кооперации – все это препятствовало успехам социализма среди еврейского населения городов и позволяло еще более высоко оценить достижения социализма в деревне⁹⁸. Таким образом, Чернов увидел в Палестине осуществление той программы социализации земли, за которую вели борьбу в России эсеры.

Подводя итоги изучения кибуцев, Виктор Михайлович писал: «Без квуцы не было бы современной Палестины. И квуца, часто поступаясь собственной организационной упорядоченностью и материальным благоустройством, продолжает стоять на своем посту. Она служит орудием колонизации, она приспособляет пришельцев к новой жизни, она перевоспитывает их, она для обновленной Палестины возвращает обновленного, глубоко общественного, социального человека»⁹⁹.

Поездка Чернова в Палестину проходила в то время, когда в Советском Союзе завершалась сплошная коллективизация сельского хозяйства, и Сталин заявил на первом съезде колхозников-ударников, «что колхозный путь, путь социализма является единственно правильным путем для трудящихся крестьян»¹⁰⁰. В речах советских руководителей, в советской печати постоянно подчеркивалось, что колхозы спасли миллионы бедняков от нищеты, миллионы середняков от разорения, подняли уровень благосостояния в деревне, открыли ей широкую дорогу к зажиточной жизни. В обстановке экономического кризиса, охватившего капиталистический мир в 1929-1933 гг., многие на Западе, особенно среди левой интеллигенции, поверили в это советское чудо преобразования деревни. В такой обстановке эсеровские лидеры были в числе немногих социалистов, относившихся критически к сообщениям об успехах социалистического строительства в СССР. Поэтому не случайно Виктор Михайлович Чернов

в своих статьях и рукописях о Палестине такое большое внимание уделял сравнению кибуцев с колхозами, знакомил членов кибуц с Примерным уставом колхозов, выяснял их мнение.

Беседы с членами кибуцев, особенно молодежью, убедили Чернова, что в Палестине плохо знакомы с подлинной жизнью в советских колхозах. Отсюда полное и безоговорочное сочувствие сталинскому курсу колхозного строительства, а также мнение, что колхозы и кибуцы – это одно и то же. Более того, многие считали кибуц первоначальной, подготовительной фазой к будущим колхозам. Как раз к этому времени подоспел принятый на съезде колхозников-ударников Примерный устав колхоза. И Виктор Михайлович, сравнивая этот устав с жизнью кибуца, доказывал, что истинный путь к социализму прокладывался не в Советском Союзе, а в палестинском кибуце. Чернов делал вывод: «Социалистическое строительство рабочей Палестины – не воспроизведение в палестинском микрокосме того, что делается во всесоюзном советском микрокосме. Социалистическое строительство рабочей Палестины противостоит советскому строительству в качестве его антипода. Между тем и другим надо сделать выбор. И если одно из них – правда, то другое – ложь»¹⁰¹. Таким образом, В. М. Чернов пришел к выводу, что не в Советском Союзе, а на древней земле Палестины трудами еврейских переселенцев начинал осуществляться его социалистический идеал для деревни.

Вскоре после возвращения из поездки по Палестине Виктор Михайлович заболел, болезнь отняла у него два с половиной года активной деятельности. Лишь к началу 1938 года здоровье его стабилизировалось, и он вновь включился в привычный жизненный ритм. В конце мая 1938 года В.М. Чернов намеревался принять участие в очередном заседании Исполнительного Комитета Рабочего Социалистического Интернационала, где собирался изложить позицию партии по вопросу о едином фронте социалистов и коммунистов в борьбе против фашизма и дать официальную оценку набравшему силу в эмигрантской среде так называемому оборонческому движению, участники которого выступали в защиту СССР независимо от господствовавшего там политического ре

жима. В письме к Р.А. Абрамовичу он подчеркивал, что готов «так отчеканить наши позиции, чтобы ни для каких перетолкований не осталось места»¹⁰². Но из-за проблем с паспортом поездка Чернова в Брюссель не состоялась, и он смог попасть лишь на следующее заседание Исполкома РСИ, проходившее в октябре 1938 года. К этому времени ситуация в Европе резко изменилась. После захвата Австрии войска фашистской Германии начали оккупацию Чехословакии. Было ясно: Европе грозит большая война. В этих условиях В.М. Чернов предложил Исполкому РСИ проект резолюции, в которой утверждалась необходимость содействовать сближению Франции, Великобритании и США с Советским Союзом для того, чтобы предотвратить сближение СССР с гитлеровской Германией. Однако такая позиция не нашла поддержки среди социалистов, и резолюция даже не была поставлена на голосование¹⁰³. Принимал участие Виктор Михайлович и в последнем заседании Исполкома РСИ, проходившем в Брюсселе в феврале 1940 года.

Покинув в октябре 1938 года Чехословакию, В.М. Чернов больше туда уже не возвращался. Он обосновался в Париже, где вновь предпринял усилия сплотить эсеров, организовав на самой широкой основе Социалистический клуб. Весть о начале Второй мировой войны Виктор Михайлович встретил как величайшую трагедию для сил демократии, социализма и всей человеческой цивилизации. В правительства европейских стран он немедленно разослал составленный им меморандум, в котором доказывал, что «наиболее убийственным для наци-Германии будет союзное наступление на нее с юга, особенно через Балканы, предлагал услуги свои и своих политических друзей для создания для этого надлежащей политической атмосферы среди балканского славянства»¹⁰⁴. Но правительственные круги западноевропейских стран имели собственные замыслы и разрабатывали свои планы. Пожар мировой войны быстро разгорался.

В.М. Чернов покинул Париж за два дня до вступления в него немецких войск. Ему пришлось пешком добираться до Орлеана, затем на товарном поезде доехать до Бордо, а оттуда перебраться на остров Олерон. Расчет был прост:

французское правительство, согласно плану премьер-министра, должно было временно обосноваться на острове, а затем, если дальнейшее сопротивление фашистским войскам окажется невозможным, эвакуироваться в Африку. Чернов как раз и рассчитывал воспользоваться этим. Однако события развивались столь стремительно, что остров Олерон оказался вскоре оккупирован фашистами. Выехать с острова в «свободную» зону Франции оказалось столь проблематичным, что Чернову пришлось длительное время оставаться на оккупированном Олероне. Помощь пришла от друзей, поддержавших Чернова материально и добившихся разрешения на выезд в курортный городок Дакке, находившийся в нескольких десятках миль от демаркационной линии между оккупированной и неоккупированной частями Франции. Однако трудности на этом не кончились. Дакке оказался переполнен военными, прибывшими сюда на отдых, а поэтому передвижение гражданских лиц в этом районе было крайне затруднено. К тому же, истек срок действия документов на жительство. Тогда жена Чернова, Ида Самойловна, предпринимает отчаянный шаг: она нелегально едет в Париж и с помощью друзей продлевает вид на жительство, а Виктор Михайлович тем временем связывается с контрабандистами, которые нелегально переправляют Черновых в «свободную» зону. Добравшись до Марселя, В.М. Чернов хлопочет о получении виз на выезд в США, что оказалось также делом весьма непростым. И лишь в конце весны 1941 года он смог добраться до Лиссабона, чтобы ожидать своей очереди на пароход, идущий с Америку¹⁰⁵.

В США Виктор Михайлович и Ида Самойловна Черновы прибыли на португальском пароходе «Musinho» 21 июня 1941 года и остановились в Нью-Йорке¹⁰⁶. Здесь же осели многие другие деятели партии социалистов-революционеров, вынужденные покинуть европейские страны. Так что Нью-Йорк стал своего рода штаб-квартирой хоть и поверженной, распыленной, но все же не потерявшей революционного духа и не утратившей верности социалистическим идеалам эсеровской партии. В это время В.М. Чернову было без малого 68 лет, да и со здоровьем не все было благополучно. Но, прибыв в Нью-Йорк, он с головой окунулся в работу местной эсеровской группы.

Начало Великой Отечественной войны привело к серьезным изменениям в среде многочисленной российской эмиграции. Большая часть наших зарубежных соотечественников, независимо от их политических и идеологических пристрастий, выступила в защиту своей Родины, проявив подлинно патриотические чувства и солидарность с борющимся российским народом. Среди тех, кто активно поддержал священную борьбу народов России за свою свободу и независимость, особенно громко звучал голос небольшой нью-йоркской группы партии социалистов-революционеров, в рядах которой одно из почетных мест принадлежало В.М. Чернову.

В 1941 году нью-йоркская группа начала выпускать партийный журнал «За Свободу»¹⁰⁷, который выходил до августа 1947 года. Всего было издано 18 номеров журнала, из них 16 вышли в свет в период Второй мировой войны. Виктор Михайлович не только входил в состав редакции журнала, но и много писал для журнала. Значительная часть его публикаций была посвящена крупным событиям, происходившим в Советском Союзе и, прежде всего, на советско-германском фронте.

Солидаризуясь с героической борьбой народов СССР против фашистских захватчиков, разоблачая людоедские планы гитлеровцев в отношении славянского и еврейского народов, он не прекращал жесткой и принципиальной критики сталинского режима и искренне питал надежду на то, что после победы над фашизмом на российской земле произойдут подлинно демократические перемены и народы Советского Союза получат возможность избавиться от большевистской диктатуры. Вместе с тем в своих журнальных публикациях, особенно к концу войны, неоднократно высказывал мысль, что Сталин не упустит случая воспользоваться победой для укрепления своей диктатуры, что он может предпринять новые попытки распространить свою власть на соседние государства и что демократия в Европе в таком случае вновь окажется под угрозой. Но все же главную опасность для мира, свободы и демократии видел в фашизме, против которого и призывал объединить усилия всех демократических стран и всех народов.

Выступая горячим патриотом своей страны, В.М. Чернов не один раз совершал поездки по американским городам с лекциями и докладами в поддержку героической борьбы советских людей, призывал американцев оказывать материальную помощь народам Советского Союза. Особенно следует подчеркнуть, что им была развернута специальная кампания в поддержку бойцов и командиров Красной Армии, оказавшихся в немецком плену и брошенных на произвол судьбы советским правительством.

Не оставлял Виктор Михайлович и научной, литературно-публицистической деятельности. В организовавшемся в Нью-Йорке «Новом журнале» он поместил несколько статей о своем любимом писателе А.П. Чехове, а также о проблеме скитальчества в русской литературе и ряд других. Не были забыты им и те, с кем он многие годы боролся за торжество демократии и социализма на российской земле. В 1948 году вышла его книга на идиш «Еврейские лидеры в партии социалистов-революционеров», где он с теплотой вспоминал о таких видных российских революционерах, как С.А. Ан-ский, Г.А. Гершуни, М.Р. Гоц, Х.О. Житловский, М.О. Минор, М.А. Натансон, И.А. Рубанович. Когда позволяло время, В.М. Чернов усиленно работал над новой книгой своих мемуаров. К сожалению, она осталась до конца незавершенной, но и то, что было опубликовано уже после его смерти под названием «Перед бурей» представляет огромный интерес как для читателей, так и исследователей российской истории.

Проживая в Америке, он проявил особый интерес к изучению ряда сюжетов из русской истории. В центре его внимания оказались проблемы возникновения Древнерусского государства, истории русско-польских отношений, внешней политики России и Советского Союза. В Гуверовском архиве в коллекции Б. И. Николаевского сосредоточено огромное количество выписок, сделанных Виктором Михайловичем из летописей, записок арабских путешественников, византийских государственных деятелей, западноевропейских хроник, трудов российских, советских, зарубежных историков, которые позволяют представить объемную картину первого тысячелетия истории восточноевропейского

славянства¹⁰⁸. К сожалению, ему не хватило времени довести свой труд до написания намеченной книги. Что касается русско-польских отношений, интерес к которым у него не пропадал с начала его революционной деятельности, то во всех своих статьях и заметках В.М. Чернов последовательно проводил мысль: между русскими и поляками, двумя близкими этносами, нет неразрешимых противоречий, демократическая Россия и демократическая Польша могут и должны жить в мире и в дружбе.

Конечно, самое большое внимание уделял Чернов тому, что происходило на Родине. Он постоянно и пристально следил за всеми событиями в Советском Союзе и немедленно откликался на них многочисленными статьями в газетах и журналах. Надо отметить, что, относясь критически к социалистическому строительству в СССР, отрицательно оценивая экономические эксперименты Сталина, резко осуждая его внутреннюю политику, особенно массовые репрессии, жертвой которых в 1938 году стали и члены его первой семьи, Виктор Михайлович никогда не выступал с антисоветских позиций, не призывал к вооруженному свержению большевистской диктатуры. Он был уверен, что народные массы страны со временем сами убедятся в бесплодности этой власти и сменят ее демократическим путем.

В последние годы жизни В.М. Чернов с особой настойчивостью работал над тем, чтобы соединить, сплотить воедино изрядно поредевшие ряды двух российских социалистических партий – меньшевиков и эсеров. Видные деятели российской социал-демократии стали его лучшими друзьями, он неоднократно присутствовал и выступал на вечерах, устраиваемых меньшевистским журналом «Социалистический Вестник», публиковавший его статьи. Незадолго до своей смерти в числе 14 русских социалистов он подписал обращение «На пути к единой социалистической партии»¹⁰⁹, которое должно было положить начало осуществлению его давней мечты.

Виктор Михайлович был жизнерадостным, физически крепким человеком, душой компании. Он трижды женился, имел троих родных и столько же приемных детей и ко всем проявлял любовь, заботу и внимание. Лишенный в дет

стве материнского тепла, он старался дать детям возможно больше. Не случайно приемные дочери взяли не только фамилию, но и его отчество.

Широк был круг знакомств Чернова: революционные деятели России и многих европейских стран, главы правительств и министры, писатели и художники, издатели журналов и редакторы газет. Они принадлежали к разным политическим направлениям, но со всеми Виктор Михайлович старался сохранить добрые отношения, не переносить партийные распри на человеческие взаимоотношения.

15 апреля 1952 года В.М. Чернова не стало, он умер в своей нью-йоркской квартире, не дожив несколько месяцев до своего 80-летия. На траурном митинге во время похорон представители русской эмиграции и американской общности отмечали его огромную роль в политической жизни России первых десятилетий XX века, подчеркивали его преданность своей родине, безграничную любовь к России.

А. П. Новиков

Примечания

- ¹ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 637. Оп.1. Д.2160. Л. 62.
- ² Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 60. Оп.1. Д.2231. Л. 114 об.
- ³ Там же. Ф. 81. Оп.1. Д.586. Л. 23 об.-24, 26 об.-27, 29-29 об., 126 об., 129 об.-130; Д.597. Л. 171.
- ⁴ ГАСО. Ф. 28. Оп.1. Д.7138. Л. 8-8 об.
- ⁵ Там же. Ф. 637. Оп.1. Д.1268. Л. 165 об.-166. Анна Николаевна Булатова была второй женой М. Н. Чернова. Первый его брак оказался кратковременным – супруга умерла, не родив ни одного ребенка.
- ⁶ Там же. Ф. 19. Оп.1. Д.451. Л. 1, 3, 5 об-7 об., 48-58; Д.1622. Л. 1-2.
- ⁷ Там же. Ф. 28. Оп.1. Д.4525. Л. 225-232.
- ⁸ Всего же у четы Черновых было восемь детей, трое из которых (Александра, Клавдия и Владимир-младший) умерли в младенчестве, Ольга после перенесенной болезни страдала душевным расстройством, Софья долгое время учительствовала в Камышине и окрестных селах, а Владимир-старший, Виктор и Надежда стали революционерами.
- ⁹ Там же. Ф. 637. Оп.1. Д.2162. Л. 135.
- ¹⁰ Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. – М., 1993. С. 20, 21.
- ¹¹ Там же. С. 21.
- ¹² ГАСО. Ф. 248. Оп.1. Д.211. Л. 5 об.
- ¹³ Подробнее см.: ГАСО. Ф. 53. (1884 г.). Оп.6. Д.11. Л. 1-73.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 248. Оп.1. Д.421. Л. 185.
- ¹⁵ Там же. Л. 161 об.
- ¹⁶ Чернов В.М. Перед бурей. С. 39.
- ¹⁷ Там же. С. 38.
- ¹⁸ См.: Hoover Institution Archives. В.I. Nicolaevsky Collection (HIANC). Box 616. Folder 1.
- ¹⁹ Автобиография В.М. Чернова // Исторический архив. 1996. № 4. С. 214.
- ²⁰ Чернов В.М. Перед бурей. С. 39.
- ²¹ ГАСО. Ф. 248. Оп.1. Д.421. Л. 31.
- ²² Там же. Л. 185.
- ²³ Там же. Л. 141.
- ²⁴ HIANC. Box 381. Folder 14.
- ²⁵ Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. Книга первая. – Берлин, Петербург, Москва: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. С. 53.
- ²⁶ HIANC. Box 381. Folder 14.
- ²⁷ Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. С. 88.
- ²⁸ Там же. С. 61-62.
- ²⁹ Там же. С. 61.
- ³⁰ Там же. С. 70-71.
- ³¹ Подробнее см.: Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи по государственным преступлениям за 1893 год. – СПб., 1894. С. 160-164.
- ³² Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. С. 110.
- ³³ Там же. С. 119.
- ³⁴ Там же. С. 182.
- ³⁵ Подробнее о партии «Народного права» см.: Широкова В.В. Партия «Народного права». Из истории освободительного движения 90-х годов XIX века. – Саратов, 1972.
- ³⁶ Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. С. 190.
- ³⁷ Там же. С. 195.

- ³⁸ См.: Меньшиков Л.П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций в России. Ч.1. Годы реакции. 1885-1898. – М., 1925. С. 198, 405.
- ³⁹ Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. С. 235.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ См.: ГАСО. Ф.53. (1895 г.). Д.3. Л. 4-41.
- ⁴² Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф.1049. Оп.5. Д.7443. Л.414 об.
- ⁴³ Там же. Ф.4. Оп.1. Д. 4639. Л.43, 85.
- ⁴⁴ Там же. Д.4561. Л.17.
- ⁴⁵ Там же. Л.20.
- ⁴⁶ Подсчитано по: ГАТО. Ф.4. Оп.1. Д.5067. Л.38-42.
- ⁴⁷ Цит. по: Колесниченко Д.А. Виктор Михайлович Чернов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. – М., 1991. С.299.
- ⁴⁸ Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. С. 274.
- ⁴⁹ Там же. С. 277.
- ⁵⁰ См.: Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. С. 335.
- ⁵¹ Чернов В.М. Автобиография // Исторический архив. 1996 . № 4. С. 215.
- ⁵² ГАТО. Ф.272. Оп1. Д.98. (1898-1899 гг.). Л. 12.
- ⁵³ См.: Там же. Л. 7-10
- ⁵⁴ Чернов В.М. Записки социалиста-революционера. С. 337.
- ⁵⁵ Чернов В.М. Перед бурей. С. 106.
- ⁵⁶ Чернов В.М. Очередной вопрос революционного дела. – Лондон, 1900. С. 2.
- ⁵⁷ Там же. С. 23.
- ⁵⁸ Чернов В.М. Перед бурей. С. 219.
- ⁵⁹ Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова в 3-х тт. Т.1. – М., 1973. С.192.
- ⁶⁰ См.: Там же. С.116, 117, 126.
- ⁶¹ См.: Письма Азефа: 1893-1917 / Сост. Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова. – М., 1994. С. 54, 65.
- ⁶² Цит. по: Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова в 3-х тт. Т.1. С.288.
- ⁶³ См.: HIANC. Box 390. Folder 8.
- ⁶⁴ Подробности о его семейной жизни в этот период см.: O. Chernov-Andreyev. Cold Spring in Russia. – Ann Arbor. 1978. P. 30-69.
- ⁶⁵ Литературное наследство. – М., 1966. Т.95. С. 310. Непонятно, на каком основании К. Д. Муратова и в статье «М. Горький и «Современник» (Горьковские чтения. – М.,1968. Вып.10. С. 253.), и в книге «М. Горький на Капри. 1911 - 1913» (Л., 1971. С. 16-17) делала вывод, что Амфитеатров в письме к Горькому отмечал неудачу Чернова-публициста.
- ⁶⁶ См.: Там же. С. 591 – 592.
- ⁶⁷ См.: Там же. С. 317, 589 – 590. В то же время в письме к Горькому Амфитеатров вновь высоко оценил работу Чернова в журнале: «Вообще, вот работник – это я Вам доложу!».
- ⁶⁸ Публикация этого Манифеста вызвала у Горького нареkania – он посчитал нецелесообразным дважды в один и тот же год декларировать программные намерения и замечал, что нужно больше дел, а не слов. – См.: Архив М. Горького. Т. IX. С. 333.
- ⁶⁹ Литературное наследство. Т.95. С.334.
- ⁷⁰ Там же. С.593-594.
- ⁷¹ Архив М. Горького. – М., 1966. Т.9. С. 133.
- ⁷² Горький М. Собр. соч. – М., 1955. Т.29. С. 217; М. Горький. Материалы и исследования. – М., 1941. Т.3. С.85-87.
- ⁷³ Литературное наследство. Т.95. С. 606-607.
- ⁷⁴ Горький М. Переписка: В 2-х т. – М., 1956. Т.2. С. 5.
- ⁷⁵ См.: Современник. 1912. № 12. С. 381-383.
- ⁷⁶ Подробнее о журнале «Заветы» см.: Аврус А.И., Новиков А.П. Журнал «Заветы» (1912-1914) - орган демократической интеллигенции России //Интеллигенция современной России: Духовные процессы, исторические традиции и идеалы. – Иваново, 2002. С.185-187.
- ⁷⁷ Подробнее о деятельности В.М. Чернова в 1917-1919 гг. см.: Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. – М., 1999. С. 60-153.
- ⁷⁸ Народное дело. 1920. 19 сентября. В ноябре 1920 года настоящее интервью было перепечатано эсеровской газетой «Воля России».

-
- ⁷⁹ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х тт. / Т.3. Ч.2. – М., 2000. С.735.
- ⁸⁰ См.: ИАВН. Вох.27. Folder 5.
- ⁸¹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. С. 738.
- ⁸² См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5893. Оп.1. Д.130. Л.3-58.
- ⁸³ Революционная Россия. 1921. № 8. С.3.
- ⁸⁴ Там же. С.3-4.
- ⁸⁵ См.: ERA (Эстонский Республиканский Архив). F.1. N.1. S. 7095. L. 236 p.-237; S.7183. L. 373 p.-374.
- ⁸⁶ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы в 3-х тт. Т.3. Ч. 2. С. 820-841.
- ⁸⁷ Там же. С. 935.
- ⁸⁸ Революционная Россия. 1923. № 32. С. 26.
- ⁸⁹ См.: ГА РФ. Ф. Р-5910. Оп. 1. Д.30. Л. 1-31 об.
- ⁹⁰ Революционная Россия. 1927. № 5. С.18-21.
- ⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-5847. Оп.2. Д.238. Л.8.
- ⁹² См.: Там же. Ф. Р-5847. Оп.2. Д.117. Л.92-92 об., 96.
- ⁹³ Там же. Л.89.
- ⁹⁴ Там же. Л.85.
- ⁹⁵ См.: International Institute of Social History. Chernov's Archive (IISHCA). Вох 21.
- ⁹⁶ Там же. Теперь уже очевидно, что мечта придти к социализму, совершенно минуя стадию капиталистического развития, нереальна, утопична. Даже в Израиле, где кибуцы до сих пор играют большую роль в сельском хозяйстве, не они определяют развитие страны в целом, а рыночные отношения.
- ⁹⁷ Гистадрут – профсоюзное объединение еврейских трудящихся Палестины; в него могли вступать только лица, непосредственно занимавшиеся трудовой деятельностью. Гистадрут одновременно владел предприятиями, руководил кооперативным движением, определял политику еврейской рабочей партии.
- ⁹⁸ См.: IISHCA. Вох 21.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 245.
- ¹⁰¹ IISHCA. Вох 21.
- ¹⁰² Там же. Вох 18.
- ¹⁰³ См.: Там же.
- ¹⁰⁴ ИАИНС. Вох 390. Folder 8.
- ¹⁰⁵ См.: Там же. Вох 616. Folder 9.
- ¹⁰⁶ См.: Там же. Вох 390. Folder 6.
- ¹⁰⁷ Подробнее о журнале «За Свободу» см.: Аврус А.И., Новиков А.П. Эсеровский журнал «За Свободу» о внутренней и внешней политике СССР в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. тр. Вып. 5. – Саратов, 2003. С.313-323.
- ¹⁰⁸ См.: ИАИНС. Вох 389. Folder 2-6
- ¹⁰⁹ См.: Социалистический Вестник. 1952. №.3. С.31-32.